

Александр Загрибелный

НАШ МАЛЕНЬКИЙ ТРЕВОЖНЫЙ МИР

(Афганские хроники)

В первой части документальной повести «Этот маленький тревожный мир», опубликованной в «Просторе» № 8, 2018, рассказывается, как после очередного теракта в Кабуле на стол автора ложится приглашение на тендер по реабилитации двух старых советских газовых скважин близ города Шибарган на севере Афганистана.

Получив визы, автор в качестве менеджера и переводчика вместе с директором отдела бурения частной нефтяной компании отправляются в путь. В самолете из Ташкента в Термез происходит знакомство с афганцем по имени Хафиз, который дает ряд полезных советов по безопасному передвижению в его стране. Перейдя пешком через Амударью по Мосту Дружбы в Хайратон и следуя далее на такси через Мазари-Шариф, казахстанцы добираются до Шибаргана, где ведут переговоры с местными специалистами, а также осматривают в горах скважины, брошенные во время войны.

При обсуждении условий тендера со стороны министерского сотрудника возникает недвусмысленный намек на «откат» в миллион долларов. Выясняется также, что претендент на тендер должен самостоятельно сдать и зарегистрировать документы в специальной комиссии в столице, с приложением банковской гарантии на триста тысяч долларов. Не рассчитывавшему на продолжение вояжа и временно ограниченному в средствах автору приходится брать билет и уже одному лететь с документами в Кабул.

В повести проводятся параллели с романом «Бегущий за ветром» Халеда Хоссейни – афганского писателя, проживающего в США.

Первая часть заканчивается словами:

«Странное дело, американцы потратили здесь сотни миллиардов долларов, а их не любят, называют оккупантами. А русских, хоть и воевали, помнят и уважают. Почему? В этом еще предстояло разобраться».

ЧАСТЬ 2

KABUL – PEACE CITY¹

Чуть свет разбуженный будильником, я сел в накануне заказанное такси и выехал в аэропорт, чтобы первым рейсом улететь в столицу.

Пройдя через строгий контроль, где меня ощупали, просветили и обнюхали собакой, я нашел местечко в зале и в ожидании посадки разглядывал шумную публику. Было много детворы. Почти все женщины в парандже. Только накрашенные глаза блестят.

¹ Кабул – город мира.

На скамье напротив, улыбаясь, смотрел на меня молодой афганец. Это был Хафиз.

– It is a small world!²– сказал он.

Да, в этом я убеждался на каждом шагу. Мы разговорились уже как старые знакомые. Хафиз тоже направлялся в Кабул. И все уже казалось не так страшно.

Перелетев заснеженные вершины и длинные ущелья с разбросанными, отделенными от мира крохотными селениями, мы опустились на уютное, защищенное с трех сторон горами широкое плато, где по долине и склонам была рассыпана огромная столица.

Военные вертолеты, среднетоннажные транспортные «Боинги» рядами стояли на парковке. Больших самолетов не видно. Мне довелось однажды шевелить штурвалом гигантского серо-черного бомбардировщика B-52 *Stratofortress*, совершая взлет и посадку. Эта громада на правый-левый поворот реагирует через несколько секунд, когда уже успевает пролететь больше километра.

В начале 90-х по журналистской программе Агентства информации США я поработал месяц в газете *The Times* в Шривпорте, штат Луизиана. Редакция постаралась, чтобы гость не скучал – возили на автогонки, угощали рагу из аллигатора. Мы палили по бутылкам из кольта и карабина на берегах Миссисипи с мужем замредактора Тимом Фицджеральдом – учителем географии и единственным человеком, который мог показать Казахстан на глобусе. Полицейский, с которым мы провели ночной рейд, затащил меня к знакомому владельцу стрипклуба, наконец, редакторша Джуди Кристи договорилась о совершенно эксклюзивной экскурсии.

На стратегической авиабазе Баксдейл, своими живописными дорогами среди болот и кипарисовых лесов похожей более на роскошный санаторий, я был, пожалуй, единственным журналистом из бывшего Союза, кто удостоился визита в подземный бункер центрального штаба (нынче главного командования ВВС США). Во время нашего прохода по кабинетам застигнутые врасплох офицеры спешно закрывали шторками оперативные карты, извинительно улыбаясь – мол, так положено. Отсюда самолеты летали бомбить Ирак, устраивали «Бюрю в пустыне», а позже президент Буш управлял страной во время урагана «Катрин».

Хотя это был тренажер-симулятор, но кабина в натуральную величину для обучения военных летчиков, со всеми приборами и штурвалом, на телескопических подвесках, имитирующих наклоны и перегрузки, перед глазами реальный экран взлетной полосы... Взлететь-то я взлетел, но посадку, честно скажу, совершил жесткую, в натуре обломал бы шасси.

Командующий авиабазой генерал Коль вручил мне на память Хрустальную Лилию – символ Луизианы, а я ему популярную тогда советскую рублевую монету – гильотину головы Ленина.

Гостеприимные южане, да еще почти французы, на прощание задарили меня ковбойскими шляпами и сапогами.

Но и я не остался в долгу – опубликовал в их газете больше статей, чем остальные участники программы в других городах вместе взятые.

– Смотри, когда вернешься домой, пиши правду, – напутствовали читавшие мои материалы рабочие печатного цеха, – а то приезжают – хвалят, а потом пишут, что все тут плохо.

Простые сотрудники типографии, но даже они устали от бреда взаимной пропаганды времен холодной войны. Особо я и не хвалил, другое дело – многое удив-

² Мир тесен.

ляло. Например, на судебном заседании, где разбиралось дело полицейского, в домашней ссоре застрелившего свою жену, да и в новостных сводках по телевизору, часто слышалось выражение «Killing culture»³. Я откровенно написал, что в русском языке слова «убийство» и «культура» никак не сочетаются.

Я обещал, что буду писать правду, как я ее понимаю.

Элитные, хорошо экипированные подразделения военной полиции охраняли въезды и выезды кабульского аэродрома. Пройдя по лабиринту из бетонных блоков, не позволяющих машинам разогнаться, мы оказались на запруженном транспортом кольце, выходящем на проспект.

Хафиза, работавшего менеджером в строительной компании, поджидал знакомый таксист, и мне любезно предложили подвезти до гостиницы.

– Вы удивитесь, но у нас до сих пор есть коммунисты, – сказал Хафиз, когда мы окунулись в шум улиц. – Вот наш таксист – коммунист.

– Почему? – удивился я.

– При коммунистах мои дети ходили в школу, у меня была постоянная работа...

В ожидании нас шофер изрядно приложился к марихуане, но вел машину уверенно.

– А если вдруг полицейский остановит и найдет наркотик, что скажет? – спросил я.

– Он скажет: «Дай мне немножко».

Водитель включил радио – местный музыкальный канал. Я заметил, что афганские песни чем-то напоминают индийские, но в них нет индийской чувственной приторности, они тверже в интонациях.

– Есть два основных направления народных песен, – объяснил Хафиз, – главное из них – это песни мужчин, собирающихся на войну.

– Ташаккур (спасибо), – произнес я первое выученное слово по-афгански, когда мы остановились на Анкара-стрит возле пятиметрового бетонного забора, над которым красным неонам светило название отеля KABUL STAR.

Железные ворота, два солдата у входа. В зарешеченном квадратном окошечке на двери мелькнуло лицо, звякнув железом, как в фильмах про тюрьму, открылся и закрылся засов, впустив в металлический ангар. Рамка детектора. Офицер и солдат досмотрели чемодан и документы. Дверь отворяется и вдруг – чудесный внутренний дворик с цветущими гранатами, розами и фонтаном посередине.

Вход в отель также под охраной с детектором в тамбуре.

На ресепшене я объяснил, что поселюсь на несколько дней, но заплачу пока только за сутки. Администратор не возражал и дал бюджетный, но просторный, чистый, хорошо обставленный номер за 90 долларов с завтраком, сказав, что гостей и туристов нынче мало, а в лучшие годы такие номера шли за 150 и выше.

Плотные темные портьеры от потолка до пола закрывали широкое окно. Отодвинув завесу, я повернул ручку стеклянной двери и вышел на узкий балкончик.

Высоко в небе висел аэростат, внизу дворик с цветами и фонтаном, за улицей в зелени высоких деревьев иранское посольство, вдалеке утыканная антеннами сопка с остатками стен, возведенных еще хромым Тамерланом, справа коричневый минарет пригостиничной мечети, слева на здании с литерами WU – снайпер.

³ Культура убийства.

По улице двигалась колонна высоких песочно-серых бронетранспортеров. Длинный двухвинтовой вертолет Boeing CH-47 с шумом поднялся с американской базы на облет окрестностей. И ни единого воздушного змея в небе – бывлой массовой забавы местной детворы, столь живо описанной в романе Хоссейни.

Вай-фай на этаже работал слабо, но в коридоре, поближе к роутеру, я смог поговорить с бухгалтером нашей компании:

– Добрался, поселился, рядом есть Western Union. Срочно тысячу долларов на проживание и билет обратно!

А теперь – в банк!

Отель расположен удобно – в посольском районе приблизительно посредине между банком, где брать документы, и учреждениями, куда их относить.

Переодевшись, расспросив направление, я вышел за ворота и пошел пешком.

В Кабуле та же стеновая культура: все ограждено высокими бетонными блоками с колючей проволокой поверху. Министерства, больницы, офисы стоят как крепости с ущельем улиц между ними. Могучие сосны с длинными как у кедр иголками возвышаются над бетонным монолитом, на котором то тут, то там голубой краской через трафарет пробито KABUL – PEACE CITY (Кабул – мирный город). Солдат, полицейских, охранников на улицах едва ли не пополам с гражданским населением.

Машины кишат, как муравейник. Потертые «Тойоты» и «Фольксвагены», темно-зеленые камуфлированные пикапы с пулеметами, вальжжные джипы движутся во всех направлениях сразу. Обгоняют и слева и справа, разве что не лезут через крыши. Военных благоразумно пропускают. Бородатые и безбородые пешеходы идут, где хотят, лавируя поперек движения. К светофорам приучить местный люд невозможно, их здесь попросту нет, зато на перекрестках и площадях бывает иногда два-три регулировщика. Надо понимать, что скорости тут не московские, и даже не алматинские. В часы пик город встает в единой пробке, но с удивительно ничтожным количеством аварий.

На каждом шагу пекарни излучают ароматы свежее испеченных лепешек, но еще больше агентств по продаже авиабилетов. Такое впечатление, что поев лепешек, жители Кабула срочно спешат куда-нибудь улететь.

Дойдя до первого перекрестка, я, на манер местных, пересек его по диагонали и продолжал двигаться вдоль одноэтажных припорошенных пылью агентств, канцелярских магазинчиков и офисов, напротив которых возвышалась стена иранского посольства с роящейся толпой у ворот. Через минут десять по ходу справа оказался искомый банк.

Гладко выбритый, в европейском костюме, с дорогими запонками на манжетах управляющий банком был озадачен моим вопросом о поступлении денег из Казахстана.

– Сейчас проверим.

Он смотрит в компьютер.

– Нет, никаких похожих сумм в последнее время не поступало.

– Что делать? Нам нужна банковская гарантия для тендера.

– Есть еще два дня, подождем.

Банкир предложил чаю, подвинул разделенную на сектора тарелочку с орехами, изюмом и курагой. Поинтересовался обстановкой в Казахстане, нашим проектом. Видно, что гость я редкий.

В состоянии полной неопределенности под зорким взглядом нищей пацанвы я возвращался вдоль вонючего арыка по параллельной слегка замощенной булыжником улочке под названием Чикен-стрит с цветочными магазинами и сувенирными лавками по обе стороны.

На прилавках и полках пылился полумузейный хлам: старые женские украшения, ковры, кинжалы, вещи времен британского присутствия, в ящиках в навал разные по форме и весу полированные куски фиолетово-синего с золотыми прожилками бадахшанского лазурита.

– Вот отличный ляпис-лазурит. Приносит удачу! Возьмите, очень дешево, – уговаривал продавец, не избалованный вниманием местных покупателей.

– Обязательно куплю, но пока – ноу мани.

Минут пять я постоял перед закрытой стеклянной дверью мастерской художника, разглядывая укутанные мраком картины на стенах в глубине, и решил, что зайду сюда еще раз.

Потянулся квартал ярких магазинов сухофруктов. Выбор богатый, но цены выше, чем в Ташкенте. Взял чуток на пробу крупного миндаля.

На ступеньках меня уже поджидал юный босой субъект в дырявом, замызганном пирухане.

– Мистер! Доллар!

– Ноу мистер! Руси!

Сунул ему несколько орехов.

– Грызи.

Уловив сочувствие, он потянулся за мной, громко бубня:

– Мистер! Доллар!

За углом к нему присоединились еще двое.

Я прибавил шагу. Они – вприпрыжку.

Резко остановившись, я обернулся:

– Ноу доллар!

Не отстают. Уже собралась целая стайка. Как-то смелее окружают. Хорошо, что не на бордаж. В Рио-де-Жанейро так сразу лезли в карман. В Азии к старшим пока относятся почтительнее.

Вымогательство на уровне министерства – тоже нищета, только в особо крупных размерах. И вроде как не грабеж – отдаешь добровольно.

Что делать? Эта худосочная поросль в глаза не видала русских. Родилась и выросла при американцах. Я обратился к продавцам, сидевшим на крыльце очередного магазина:

– Шуганите их, пожалуйста.

Один из них громко шикнул на попрошаек.

Отстали. Но следовали на отдалении до самой гостиницы.

С детства расцветающее люмпенство, без возможности учиться и работать, разлагает страну. С этого дна потом вербуются террористы, готовые взорвать себя за сто долларов. Разумеется, мулла им наобещает рай на небесах.

Заметки на полях

Религиозный человек предполагает у себя наличие бессмертной души. Но в моем понимании мое «Я» – это собственная энергетика тела, а не отдельная субстанция. И где-то здесь – внутри двуногого котла с головой варится мысль. Умрет тело – останется слово, музыка, картина...

«Нет, весь я не умру, душа в заветной лире...» – как сказал Пушкин.

Уходит человек, поколения, а потомки ценят то, что сделано.

МИКРОРАЙОН ПО-АФГАНСКИ – МИКРОРАЙОН

Надо связаться и посоветоваться с нашим посольством, решил я и набрал добытый в интернете номер:

– Здравствуйте, я менеджер казахстанской буровой компании и журналист, нахожусь в Кабуле, хотел бы проконсультироваться по некоторым вопросам.

– Вы знаете, где мы расположены?

– Нет.

– Оставайтесь на месте, к вам подъедет наш сотрудник.

Не прошло и четверти часа, как посольский «Ленд Крузер» с желтыми номерами остановился у ворот отеля.

Мужчина средних лет с заметной проседью представился советником посольства и назвал свое имя. Он отворил тяжелую бронированную дверь с неопускающимся зеленым от толщины пуленепробиваемым стеклом, впустив меня в салон. Сам сел впереди рядом с водителем.

– Где-то я вас видел? – обернувшись и разглядывая меня, сказал он вдруг.

– Мне тоже кажется ваше лицо знакомым.

– В Алматы в МИДе?

– Нет.

– А вы были в Вашингтоне?

– Да, последний раз в 2007 году.

– В казахском посольстве?

– Я вспомнил, узнал! Мы приезжали летом на Всемирный фестиваль детского творчества ICAF⁴. Сын был победителем конкурса рисунка, а жена давала мастер-классы на Central Mall перед Капитолием... Нам понадобился флаг Казахстана, чтобы представлять страну. Но тогда накануне произошла смена посольской команды, и вы оставались единственным, кто смог принять нас. И вот теперь встреча здесь. Мир, действительно, тесен!

– Как добрались, устроились, все нормально? Поедем к нам. Посол ждет и хочет с вами познакомиться.

Из интернета я знал, что наш посол (на фарси – сафир) – генерал, бывший глава внешней разведки с соответствующим опытом и связями.

Заметки на полях

В моем сознании персидский «сафир» каким-то странным образом немедленно сделался производным от «сафари», хотя это слово совсем из африканского суахили.

Поднявшись по узкой 13-й стрит в гору, на вершине которой развевался гигантских размеров черно-красно-зеленый государственный флаг Афганистана, мы свернули направо и остановились перед высокими воротами.

Они раскрылись. Длинный проезд, еще одни ворота, регистрация паспорта, сдача мобильника.

В комнате приема официальных гостей с гербом и флагом Казахстана, фотографиями президентов соседствовали фотографии хозяина резиденции с важными афганскими персонами.

Вошел Сафир. Невысокого роста, светящаяся седина от макушки до усов. Мягкий и одновременно испытующий, решительный взгляд словно видел тебя

⁴ ICAF (International Children Art Foundation) – Международный фонд детского искусства.

насквозь. Такому человеку, прошедшему через опасности, есть что рассказать. С ним бы посидеть, поговорить, не торопясь. Но он не из тех, кто раскроется сразу.

Принесли чай, традиционные сухофрукты и орехи. Советник поведал о нашем вашингтонском знакомстве, это согрело атмосферу встречи и расположило для совместного фото.

Меня предупредили о максимальном соблюдении мер безопасности в городе.

– Без особой надобности на улицу не выходить. Передвигаться лучше на такси, вызванном администрацией отеля. Часто гремят взрывы, иностранцев воруют, потом требуют выкуп.

«Так что сестра была права», – подумал я.

Проект наш заинтересовал и оказался реальным. Думаю, успех в нем пошел бы в зачет деятельности посольства.

Я спросил, слышали они что-нибудь о дорожных строителях из Казахстана.

Да, действительно, работала такая компания на севере, но с посольством они не связывались, и опыт их оказался плачевен.

– Чем сможем, вам обязательно поможем, – пообещал Сафир.

– Посол в хороших отношениях с вице-президентом Дустумом, который держит под контролем северные провинции, – пояснил Советник, после встречи сам севший за руль машины.

Пока мы были на колесах, я попросил немного показать город.

Спустившись по тринадцатой улочке, мы покатали по проспекту вечернего Кабула.

– После захвата и разрушения талибами еще три года назад здесь не было даже освещения, а сейчас целая улица праздничных дворцов бракосочетания. А вот новый Технический университет, – объяснял советник.

Я заметил, что строятся высотки, но ни при одной из них нет подъемного крана.

– Все вручную. Рабочая сила дешевая. А это узнаете?

Утопая в зелени кленов и кедров, стояли знакомые серые крупнопанельные пятиэтажки.

– Похожи на наши хрущевки!

– Да, Алма-Атинский домостроительный комбинат. Это микрорайон. Он так и называется по-афгански – микрорайон. Элитное жилье – триста тысяч долларов за пятикомнатную квартиру.

– Почему так дорого?

– Высокое качество по здешним меркам и центральное отопление, – объяснил советник, показывая на полосатую советскую трубу ТЭЦ.

Попросив остановиться, я вышел, чтобы заснять объект союзной гордости.

Возвращаясь, увидел, как больной походкой к машине подковылял нищий и стал целовать стекло водителя. Советник открыл дверь и сунул что-то ему в руку.

– Лучше дать немного. Чтоб ушел. Не знаешь, чего ждать. Еще подцепит магнитную мину.

Солнце скатывалось за гору. Справа и слева засветились огни домов, очертания которых, забираясь высоко по склонам, размывались в вечерней дымке.

Советник вспомнил давнюю историю, как прилетевшая из Казахстана делегация после теплого приема в посольстве решила прокатиться по ночному городу. На следующий день проезжая по тем же улицам, гости страшно удивлялись: «А где же небоскребы, которые мы видели вчера ночью?»

– А вот здесь лучше всего менять доллары, – добавил он, показывая улочку, сплошь в вывесках обменников и всего за квартал от гостиницы. – Интересно заметить, менялы здесь испокон веков, и при любом режиме никто их никогда не трогал.

Шеф был доволен перспективами моего нового знакомства. На следующий день я получил деньги в WU и смог воспользоваться рекомендацией по выгодному обмену долларов на афгани, чтобы оплатить проживание и наметившиеся расходы на Чикен-стрит.

С ПУШКИНЫМ НА ДРУЖЕСКОЙ НОГЕ...

Утром, поднявшись в номер после завтрака, я обнаружил под дверью свежий выпуск газеты Afghanistan Times. Интересно, о чем пишет местная пресса?

«Глава талибана убит американским беспилотником». В ответ, от взрыва террориста-смертника, погибли по меньшей мере 10 человек, сотрудники суда, еще четверо получили ранения.

«Талибан строит параллельное государство уже во многих местах Афганистана».

«Хазарейская шиитская община выступает с требованием провести будущую высоковольтную линию электропередач по маршруту из Туркменистана в Кабул с заходом в район их проживания и намеревается устроить митинг в Кабуле».

Карикатура – американский солдат, улыбаясь, возлежит на топчане посреди макового поля. И выше заголовок статьи – «Уйдут ли США из Афганистана?»⁵

На следующей странице: «Россия продолжает помогать Афганистану».

Много сообщений из других частей света, в основном катастрофические и кровавые.

Небольшая заметка из местной хроники о том, как в горном селении муж облил горячим и поджег свою жену за то, что она посмотрела вслед проезжающему молодому мотоциклисту.

На последней цветной полосе опубликовано обращение первой леди страны с призывом к населению – меньше употреблять наркотики.

Ministry of Women Affairs – «Министерство женских дел» располагалось за углом. Такого министерства нет больше нигде в мире.

Медицинский центр по оказанию помощи пострадавшим от военных действий тоже неподалеку. Если у входа в женское министерство стояло несколько человек, то на широком тротуаре перед Медцентром на циновках, ковриках и матрасах дежурят, спят, пьют чай, ведут разговоры десятки людей с озабоченными лицами, дожидаясь исхода хирургической операции, переживая за здоровье родственников и друзей, попавших под пули и взрывы.

Эти достопримечательности я обнаружил по пути в центральное авиаагентство. Завтра утром – тендер. А вечером можно улетать.

В агентстве за компьютерами сидели несколько девушек. Посередине в светлом, чуть более свободно повязанном платке – самая симпатичная из них.

– Здравствуйте! Мне нужно лететь в Мазари-Шариф!

Она взяла мой паспорт и стала оформлять билет.

– Как вас зовут?

– Марьям.

– Марьям, можно, я вас сфотографирую? – спросил я вежливо, насколько позволяло английское «you».

⁵ При талибах производство опионого мака в Афганистане было сведено к нулю, тогда как сегодня в Афганистане под патронажем оккупационных сил производится 95% мирового объема опия.

– Нет.

– Почему?

– Вы же не из моей семьи, – ответила она, улыбаясь.

– Вы такая красивая. У вас глаза, как у моей жены в молодости.

– Все равно нельзя, – рассмеялась она.

– Скажите, а как будет по-афгански «Вы очень красивая девушка?»

Она произнесла фразу, и я на слух повторил, стараясь подражать гортанным глубоким звукам.

– У вас хорошо получается, – похвалила она, – вы быстро научитесь.

– А вы замужем?

Она смутилась.

– Нет еще.

– Вас непременно скоро кто-нибудь здесь заметит, – пообещал я, забирая билет.

Стеклянная дверь художественной мастерской на Чикен-стрит была приоткрыта. Пол устилал широкий бежевый ковер с афганским орнаментом. Сидевший за мольбертом седой мастер не понимал ни по-русски, ни по-английски, но радужные интонации на фарси приглашали войти и посмотреть.

Не решаясь ступить в обуви, я разулся.

Размеры мастерской не позволяли удобно расположить множество картин, они висели на стенах и стояли на полу плотно, даже перекрывая друг друга. Тут было подражание всему: от романтического седлания коня Делакруа до праздничного открытого цвета импрессионистов, лошади всех мастей, скачущие всадники, боевые сцены, кокпар, натюрморты, пейзажи, кубистские и абстрактные композиции...

Жестами хозяин попросил подождать и выскользнул за дверь. Он быстро вернулся, ведя за собой молодого афганца с окладистой аккуратно подстриженной курчавой черной бородой, худыми руками, выглядывавшими из подвернутых рукавов синего в мелкую клеточку, прикрывавшего впалую грудь пиджака.

– Здравствуйте! – сказал парень с радостным волнением. – Меня зовут Замир.

– Ты говоришь по-русски? – удивился я.

– Да, я изучал русский язык в университете, – ответил он, аккуратно расставляя слова и не путаясь в ударениях.

– Спроси, пожалуйста, художника, почему он рисует в такой разной манере?

– Чтобы что-то продать, нужно иметь картины на любой вкус, – ответил художник.

– Тогда какая работа лучше представляет его самого, его собственный стиль?

Мастер указал на скромный, но с любовью написанный предзимний с чуть припорошенными крышами и соснами пейзаж, передававший аскетичную повседневность Кабула.

Просил он недорого. Я сделал снимок и сказал, что посоветуюсь с женой.

Впрочем, мне было гораздо интереснее, где Замир так хорошо овладел русским.

– Ты бывал в России?

– Нет, но очень хочу увидеть Москву.

– А кто был твой преподаватель?

– Наша – афганка. Она училась в Санкт-Петербурге.

– Ты читаешь русскую литературу?

– Да. Но сейчас очень редко.

– Кто тебе нравится больше всего из писателей?

– Александр Сергеевич Пушкин! – произнес он торжественно.

– Что-нибудь знаешь наизусть?

– Стихотворение «Я вас любил...»

– Пожалуйста, прочитай, – попросил я, и в ответ услышал неторопливое великолепное ясное произношение с полным понимаем смысла.

Мне очень нравится слушать, как говорят по-русски иностранцы, а особенно эмигранты, давно живущие за границей и уже приобретшие акцент. От нечастого употребления слова у них становятся более выпуклыми и весомыми. Между словами появляется воздух, они словно рождаются заново, обретая свечение всех оболочек значений. Не то что тараторки-дикторши на современном ТВ, у которых порой свист и каша во рту.

Удивительно и даже фантастично звучал Пушкин из уст афганца, родившегося уже после вывода наших войск. Я не мог сдержать восхищения.

– Здорово! Просто замечательно! А чем ты занимаешься?

– Помогаю хозяину в цветочном магазине. Найдите мне, пожалуйста, работу. Я здесь очень устал, – почти с мольбой попросил он, переходя на английский.

– Если мы выиграем проект, нам наверняка понадобится местный человек со знанием языков.

Я дал ему свою визитку, и он написал мне свой мейл на обратной стороне визитки художника.

ВА-БАНК

Звоню – трехсот тысяч по-прежнему нет.

Звоню в Казахстан. Мне объясняют, что что-то там застряло в процедурах между российским и западным банками в Лондоне. Возможно, из-за санкций.

Вольтаж напряжения резко подскакивает. Опять бегом в банк.

– А если открыть у вас счет и перечислить напрямую?

Управляющий вызывает помощника.

– Для открытия счета нужна лицензия, которая оформляется через специальное агентство, – объясняет тот. – Чтобы получить лицензию юридического лица, требуется местный партнер, а также прохождение регистрации в МИДе и еще в нескольких инстанциях. Тогда ты становишься резидентом, и налоговая ставка снижается с 7 до 3 процентов.

Соображаю, что имеет смысл зарегистрировать компанию: затратив пару тысяч долларов и энное количество дней, можно сохранить почти полмиллиона – целый фонд зарплаты.

Но как бы то ни было, к завтрашнему тендеру не успеваем.

Существует еще способ (со времен древних ростовщиков) – по доверенности: мы в Казахстане отдаем деньги доверенному человеку банкира, а банкир в Кабуле выдает деньги нам.

В моем присутствии было произведено несколько звонков и оказалось, что такой человек в Алматы есть.

Конечно, вариант, но слишком хитроумный и под высокий процент.

– А этот человек потом с деньгами исчезает? – прокомментировал мой шеф.

Что делать? Беру такси и еду в министерство к Вазиру. Сначала, конечно, звоню, чтобы выяснить, как добраться и почему.

В пути по столице мы пересекаем запруженную машинами и людьми площадь с огромным портретом национального героя Ахмад Шаха Масуда неподалеку от

президентского дворца. Ушатанная «Тойота Королла» долго везет меня вдоль реки, в которой почти нет воды, зато много мусора. Бородатые мужики подкатывают тележки и сбрасывают набитые отходами мешки, пластиковые бутылки и всякую дрянь на камни в сухое русло. По весне паводком это все снесет куда-то вниз.

В Кабуле с его пятимиллионным населением нет центральной канализации, бытовые отходы стекают по арыкам, идущим вдоль улиц через город в пересыхающую летом речку – Дарью. Арыки начнут чистить к зиме. Летом от зловония город спасает только то, что он находится на высоте почти две тысячи метров. Ветерок и прохлада не дают распространяться тотальному смраду и мухоте.

Каждую ночь под окнами отеля открывается люк септика, и машина ассенизаторов выкачивает сточные воды. Перед сном лучше захлопнуть балкон поплотнее.

Серый бетонный советский фасад, как и интерьер министерства с длинными темными коридорами, не блещут изысками. В отделе четыре старых стола, покосившиеся стулья, кресло со сломанными колесиками, дохленький принтер на тумбочке и несколько сотрудников в полудреме.

Объявляю, что деньги не пришли, и я не знаю, что завтра делать. Билет домой на руках.

Трудящиеся министерства тоже не знают, что делать. Погрузившись в думу, они стараются досидеть до конца рабочего дня. Так проходит полчаса. Вазир начинает звонить куда-то и долго говорит по-пуштунски, и я, без языка, абсолютно понимаю, что он говорит про нашу компанию, у которой нет банковской гарантии. В подтексте интонаций проскальзывает обещанный бонус в миллион долларов.

Наконец он зовет меня в свой кабинет и по-английски объявляет, что комиссия готова еще раз перенести тендер на 10 дней.

– Вы успеете?

– Конечно, успеем! – вздыхаю я с облегчением.

– Это будет стоить тридцать тысяч.

У меня перехватывает дыхание. Но ненадолго. Начинаю привыкать швырять туда-сюда чужими деньгами.

– Хорошо. Доложу. Уверен, шеф согласится.

Подразумеваю, что сумма возьмется из первого транша после подписания контракта. Плюс-минус 30 тысяч за такую стратегическую отсрочку найдутся. Но Вазир, видимо, считает, что я должен к следующей дате привезти наличку. И даже рисует схему распределения денег между ответственными работниками, разумеется, без фамилий.

Я фотографирую бумажку на мобильник и, ударив по рукам, мы расстаемся.

ЕЛТАФ

Под вечер я вышел из отеля в соседний магазинчик. За дверью продавца не оказалось. Во дворе сидел хозяин с гостями, ему было лень подниматься, и он крикнул... Из дома тут же выскочил мальчишка и, открыв дверь, пропустил меня вперед.

Я двинулся вдоль полок, рассматривая товары.

– Can I help you, Sir? (Вам помочь, Господин?) – отчетливо услышал я за спиной.

Я перебирал пакеты и консервные банки, интересуясь ценами. Все здесь было немного дороже по сравнению с тем, что у нас. Выбрав кое-что для приличия, я рассчитался за покупку и спросил:

– Как тебя зовут?

Он произнес, но я не уловил звучания. Тогда он написал в блокноте по-английски и на фарси свое имя – Eltaf (Елтаф) и оторвал мне клочок бумаги в качестве визитки. Поскольку я писал для казахстанского журнала «Современное образование», мне было интересно расспросить его о школе.

– Сколько тебе лет?

– 14, – набрал он на калькуляторе.

– Учишься?

Он утвердительно кивнул головой.

– В каком классе?

– 8.

– А сколько лет учиться?

– 12.

– Английский тоже есть?

– Чуть-чуть.

То, что английский в стране понимают многие и актуален он еще со времен британского завоевания, я убеждался неоднократно: старшеклассники и взрослые не раз помогали мне объясниться в городе.

– Сколько у вас в классе учеников? – продолжил я интервью.

– Сорок пять.

– Это очень много! Во сколько ты начинаешь учиться?

– В 11-00.

– И заканчиваешь?

– В 14-00.

– Сколько смен в твоей школе?

– Три смены, первая начинает учиться в 6 утра.

– Неужели так рано?! В школе учатся мальчики и девочки?

– Нет, только мальчики. Это государственная школа, а в частной бывает 15-20 учеников в классе, но там надо платить.

– Я смотрю, вы учитесь летом?

– Да, каникулы у нас зимой. Январь и февраль. Потому что в школах без отопления холодно.

Школ не хватает, а морозы и снег здесь бывают серьезные. Надо оценить мужество школьников и их желание учиться, если могут вставать и к шести часам утра идти на занятия – без компьютеров и интернета постигать азы грамоты, математики и других наук.

– Откуда вы? – поинтересовался Елтаф в свою очередь.

– Из Казахстана, журналист, русский.

Он улыбнулся.

– Я думал, вы американец или немец. У меня дядя знает по-русски, – показал на сидевшего во дворе бородатого мужчину, – он воевал.

Наше общение прервали подошедшие покупатели, и мне не удалось попросить Елтафа показать книжки и тетради.

Впрочем, я уже видел их пару дней назад, когда шумная орава учеников расходилась из ближайшей школы по домам.

Ребятяня, опознав «руси», жуя сомнительные донеры, весело и с удовольствием, старательно читала справа налево по фарси из букваря и «Родной речи», демонстрировала помятые тетрадки. Доверчивое детство берет свое. Их совершенно не смущало то, что по соседству стоит вооруженная охрана. Они привыкли, что в столице раз в неделю что-нибудь взрывается.

Афганцы хотят, чтобы их дети получили образование. Это хоть какая-то надежда на лучшую жизнь. Альтернатива школе – сидеть на базаре, резать морковь, чистить ботинки состоятельным прохожим или, если повезет – открыть свою лавку.

С 1955 года развитием инфраструктуры занимался Советский Союз. Он построил в стране систему общественного транспорта, аэропорты, цементный завод, хлебозавод, пять новых шоссе и плотину, микрорайоны и школы.

Захватив власть, «Талибан» по законам шариаата запретил музыку, телевидение, школы для девочек, женщинам – ходить без паранджи. За непослушание наказывали палками, замеченных во внебрачных связях публично забивали камнями.

Афганистан – исключительно богатая природными ресурсами страна, но как их освоить, если 60% населения в Афганистане в возрасте старше 15 лет неграмотны?

Примечательно прозвучала речь женщины-депутата в парламенте Афганистана, сказанная по случаю решения президента Обамы отправить дополнительный военный корпус. Она спросила: «Зачем вы отправляете нам еще 20 тысяч солдат? У нас и так их уже море. Почему бы вам не отправить сюда 20 тысяч ученых?»

Посмотрев новости по ВВС, потом еще какой-то блокбастер, я долго ворочался в кровати, лежа с закрытыми глазами, и не мог заснуть.

В полночь раздался взрыв. Я выскочил на балкон. Выла сирена. Пламя освещало дальний квартал. Оно скоро угасло и все стихло.

Как ни странно, взрыв подействовал как триггер, сбросивший напряжение. И я быстро заснул.

ГРАНАТЫ ИЗ КАНДАГАРА

В номере зазвонил внутренний телефон.

– Вас ожидают в фойе. Передаем трубку.

Это был Хафиз. Он приехал с хозяином своей компании.

– Мы приглашаем тебя на прогулку за город. Есть время?

– С условием, что потом подкинете меня в аэропорт.

– Без проблем!

На этот раз дорога вела нас в сторону гор, открывались новые пейзажи. Там, где имелся полив, прямо в городских кварталах зеленели огороды. На уличных рынках продавались местные огурцы, помидоры, цукини, арбузы – зеленые, черные, круглые, вытянутые... Бананы, манго, апельсины – из Индии и Пакистана.

Макаронные изделия из Ирана. Ширпотреб из Китая. Штабеля популярного хозяйственного мыла из России.

– Где можно купить гранаты? – спросил я.

– Самые лучшие гранаты растут в Кандагаре – крупные, сладкие. Сезон начинается в августе-сентябре. Холодильников мало, хранить негде. К февралю доедаем последние.

Прямо посреди трассы на «лежачем полицейском» сидела женщина с двумя детьми. Возле нее коробка. Грудной ребенок на руках. Машины неизбежно притормаживали, кто-то кидал из окна. Если деньги летели мимо коробки, босая девчушка бежала подбирать, лавируя между автомобилями.

У нас в Казахстане нищие зажратые. Здесь же – предел человеческого унижения.

Основной люд привыкает к выживанию с детства. Это их родина. Мы на их фоне почти богачи. Но нам бы их терпение и силу воли.

Присутствие каждой иностранной державы оставляло след в Кабуле. Пять километров вдоль дороги и столько же в направлении гор тянется забор Британской военной академии. Здесь, как и в давние годы, выпускают элитные офицерские кадры, владеющие современным оружием и английским.

Как крепость на скале, возвышается международный отель Intercontinental, с особой охраной подъезда и высоким забором по периметру.

– Дорогу, по которой мы едем, строила наша компания, – сказал Хафиз. – Сейчас работы нет, техника запаркована. Если хотите, мы по пути можем посмотреть нашу базу.

– С удовольствием, – ответил я.

На охраняемой площадке стоял целый парк экскаваторов, бульдозеров, грейдеров, катков и асфальтоукладчиков, а также мобильный бетонный завод.

– Если мы выиграем проект, нам понадобятся местные подрядчики. Будем иметь вас в виду, – пообещал я.

Дорога постепенно поднималась в гору. Крутой поворот – и вот мы въехали на плотину. Справа – стометровый обрыв бетонной дамбы, слева – бирюзовая гладь воды.

Оставив машину, мы вошли через массивные ворота внутрь парка и вскоре оказались под соснами у огромного искусственного озера. В десяти шагах от нас, заглотив рыбешку, на пирсе важно восседал пеликан. Берега водохранилища укрывал великолепный парк плотной изумрудной зелени с уютными беседками под деревьями, в тени которых отдыхали кабульцы и гости столицы, попивая чай и потягивая кальян.

Охранник с десантным «калашниковым» шествовал рядом с нами.

– От кого здесь охранять? Когда он, вообще, последний раз стрелял? – спросил я.

– Два года назад с гор спустились четверо, начинили микроавтобус взрывчаткой и хотели въехать на плотину. Мы их не пустили, они гранатами взорвали ворота, ворвались через пролом и начали стрелять в людей. Мы их убили. Но погибли и отдыхающие.

– Чего они хотели?

– Взорвать плотину и затопить Кабул.

– Зачем?

– Из Пакистана через Кандагар приходят, пытаются запугать, дестабилизировать обстановку.

– Почему все время слышишь, что то талибы, то игиловцы пришли из Пакистана, то сам Пакистан мутит воду?

Ответ на свой вопрос я услышал позже, когда мы сидели в ресторане за богато накрытым достарханом.

– Еще в 19 веке, во времена британских войн, – рассказал Хафиз, – была проведена линия Дюранда, ставшая 2640-километровой границей с Пакистаном, который после ухода британцев отделился от Индии. Исторически половина территории Пакистана принадлежит Афганистану. Мы хотим ее возвращения. Там пуштунов проживает в два раза больше, чем в самом Афганистане – 23 миллиона.

После вывода советских войск последнего президента Наджибуллу⁶ талибы под начальством пакистанской разведки страшно пытали, заставляя подписать признание границы. Умер, но не подписал.

Конечно, Пакистану невыгодно, чтобы Афганистан стал экономически сильным и стабильным, потому что тогда он сможет потребовать назад свои земли. Вот Пакистан всячески и мешает, готовит у себя террористов и засылает к нам.

Американцы пришли сюда после 11 сентября, чтобы поймать и наказать Усаму бен Ладена, который нашел убежище тоже в Пакистане. Они остались здесь на стратегическом плацдарме, но им нет дела до развития экономики Афганистана.

ГОЛУБАЯ МЕЧЕТЬ

В Мазари-Шариф летели с трупом. В Кабуле замочили крупного авторитета.

После посадки пассажиров долго не выпускали из самолета. Тело встречали дюжина черных джипов и конвой пикапов с вооруженной охраной. Их кортеж с крутыми номерами, начинавшимися с 00001, двигался по запруженной вечерней трассе, отесняя и сбивая на пыльную обочину мешающие авто.

– От таких лучше держаться подальше, – откомментировал сидевший за рулем дипломатического «Ленд Крузера» сотрудник консульства, – средневековые, беспредел авторитетов... У каждого феодала своя маленькая армия.

Заходящее солнце светило в упор в лобовое стекло сквозь плотную пыль, как будто сквозь висевшие в воздухе века. Как наши наивные коммунисты хотели установить здесь власть советов, равенство и атеизм? Не понимаю!

Проскользнув по улицам, водитель ювелирно въехал в узкие ворота и дальше в такой же тесный под навесом дворик. Скромное консульство. Сюда не заглядывает глава государства, здесь редко бывает министр иностранных дел.

Небольшой штат: сам консул, помощник, жена помощника хлопочет по хозяйству, содержит в порядке дом, готовит еду для всей миссии, шофер и охранник из местных.

Дом за высокой стеной в трех уровнях. Рабочие кабинеты на первом этаже. На втором – спальни. В цоколе тренажерный зал, подсобки, склад. Плотно задраенные окна за толстыми портьерами. Работает кондиционер, но воздух все равно стоячий.

Гостевая комната со спутниковым телевизором и вай-фаем, она же – столовая.

Кормят вкусно, по-домашнему.

– А вдруг нападут и понадобится оружие?

– Нет, оружия нет, но иногда и палка стреляет, – шутит консул.

Совсем рядом, почти напротив – миссия Узбекистана. Есть договоренность о взаимопомощи.

В девять утра в тени под крышей крохотной террасы температура плюс сорок. На солнце – за пятьдесят. Воздух не шелохнется. Это – Мазари-Шариф.

Принял душ. Немного полегчало.

– Посол поручил отвезти вас в Узбекистан, – сообщил консул во время завтрака.

Я сказал, что мне очень хотелось бы увидеть Голубую мечеть.

– Туда в джинсах нельзя.

⁶ В 2008 году одна из кабульских радиостанций провела телефонный опрос среди жителей Кабула. При ответе на вопрос: «Какой из политических режимов прошлого и настоящего времени вы считаете наиболее отвечающим вашим интересам?» 93,2 % людей выбрали просоветский режим Наджибуллы.

- У меня есть нужная одежда, купил в Шибаргане.
- Помылся?
- Да.
- В туалет больше не ходил?
- Нет.
- Тогда можно ехать.

Спустившись на несколько ступенек вниз, мы разулись у входа в огромный храмовый комплекс и, оставив обувь под присмотр дремлющему дервишу, пошли босиком по устилающему площадь чистому мрамору. Я старался наступать на светлые плиты, потому что темные обжигали подошвы.

Вокруг царила благоговеяная тишина. Площадь находилась ниже уровня улиц и звук машин сюда почти не проникал.

Стиль мечети напоминал скорее приземистый бухарский, нежели светский праздничный в Самарканде. Уважаемый на севере генерал Дустум выделил на реставрацию деньги и 16 килограммов чистого золота. И стены, и купол светились, изрезанные узором бирюзовых изразцов с тонкими вкраплениями желтого и красного. Реставраторы словно соткали на стенах мечети изысканный цветочный ковер.

Множество белых голубей летали над площадью, сидели на деревьях на радость детям и взрослым. Но нужно быть осторожным: зазевался – обделают с головы до ног.

По преданию халиф Али ибн Абу Талиб был двоюродным братом и зятем Мухаммеда и стал причиной раскола в исламе на шиитов и суннитов. Афганцы гордятся мечетью, как святыней, утверждая, что Али похоронен именно здесь. И сам город в 12 веке получил от нее и начало, и название, поскольку Мазари-Шариф переводится как «Могила святого».

Я хотел войти внутрь храма, но охрана не пустила – не мусульманин. Зато снимки вышли колоритные.

Испытав истинное умиротворение, я спросил консула:

– В старых черно-белых документальных фильмах показывали, как в Афганистане на базаре сидят торговцы и, банками зачерпывая из мешка, продают на развес гашиш и опий.

– Здесь такого нет. Но продают, вы просто не видите. Вон сидит под кустом, вроде нищий. Продает втихую. Они же опий используют как приправу к некоторым блюдам.

В тот же день я выставил в ОК свое фото на фоне Голубой мечети в длинном белом перухане, босиком, с пестрым тюрбаном на голове.

Не все одноклассники узнали меня, а жена ответила, что выгляжу лучше, чем дома.

– Ну да, тут кругом адреналин!

Слава нашему Сафиру, он велел отвезти меня в Термез! Я быстро собрал свои скромные манатки, и мы отправились в путь.

Когда объезжали осыпавшийся на дорогу бархан, консул сказал:

– С макушки, бывает, постреливают. Пулю из автомата дверь машины выдержит. Из бронебойной винтовки – нет.

Нам повезло, не стреляли.

На границе, пожав руку, знакомый капитан сделал отметку в моем паспорте. Ворота открылись, и мы выехали на площадку перед Мостом Дружбы.

Я с жадностью оглянулся на портреты четырех лидеров.

– А можно хоть разок щелкнуть?

Консул спросил у охраны. Она не возражала.

– Вам разрешено все. Снимайте, сколько хотите!

Мы бодро миновали мост. Узбекские пограничники даже не заглянули в мой чемодан, поскольку он остался в машине и на него распространялся дипломатический иммунитет. Шлепнули печать в паспорт и еще через двадцать минут уже стояли на вокзале.

Я купил (для иностранцев за валюту) билет Термез – Ташкент и вскоре лежал в мягком вагоне, дочитывая прихваченную с собой книжку.

Есть что-то общее в хрустально-весомом звучании рояля под пальцами Горовица и в текстах Набокова, особенно в «Иных берегах»: длинная, многослойная в пространстве и времени щемящая ностальгия с особой достоверностью впечатлений детства. После Кабула это остро чувствуешь и в романе Хоссейни.

К вечеру следующего дня я сидел в тени деревьев в двухстах метрах от пограничного перехода в Казахстан, уплетая шашлык и намурлыкивая себе что-то персидское:

*Уйдя в глаза нездешние,
Каких нет на Руси,
Под четырьмя черешнями
Форсировал фарси.*

На базарчике неподалеку узбеки продавали черешню. Она тут в три раза дешевле, чем у нас. Свежая, черно-бордовая, крупная, сладкая! У себя на даче я на прививал десяток деревьев. Жду, когда заплодоносят. А пока купил и поставил в опустевший чемодан коробку отборной ягоды.

Еще несколько часов на такси вдоль родных изломов горных вершин, и я, наконец, дома. Раздаю подарки, гостинцы, демонстрирую сувениры из лазурита и под поедание черешни веду отчет о своих приключениях.

Часть 3

СВЯТО МЕСТО

Незаметно промелькнула десятидневная отсрочка. Пора возвращаться. Покопался в интернете и нашел новый маршрут. Самолет Алматы – Душанбе по понедельникам. А там прямой рейс на Кабул. Если не дешевле, то, по крайней мере, быстрее и меньше хлопот с границами.

Помня наказ Вазира, запаса в аэропорту Алматы в Duty Free четырьмя бутылками «Русского стандарта», хотя в Афганистан разрешено ввозить только две. Но ничего, думаю, проскочим.

Еще мой чемодан вместо документации был набит образцами упаковок риса и макаронных изделий казахстанских производителей.

Война войной, а кушать надо каждый день. Купцы без дела никогда не останутся. За день до отъезда из Кабула советник познакомил меня с хозяином торгового Экспоцентра. Там я и собирался выставить товар.

В Душанбе жарко. Зазор между самолетами пять часов. Оставив багаж в камере хранения, я был готов ознакомиться со столицей Таджикистана.

Перед зданием аэровокзала советский памятник покорителям космоса. По улицам на клумбах между красными и желтыми каннами растут ритуальные банановые пальмы. Затея местных мудрецов. Сеянцы из теплиц высаживают весной, и за лето они поднимаются почти как деревья, хотя, конечно, не плодоносят. Зима их губит. Весной декорации повторяются.

Русских на улицах почти не видно, но население хорошо говорит по-русски. Есть регулярный рейс в Москву. В обменниках активно циркулирует рубль. Триста учителей русского языка по просьбе руководства страны прибыли десантом из России.

В Казахстане пока обходятся своими. Хотя учителей в южных областях давно не хватает.

Таксист отвез меня в ресторан «Сим-сим» и согласился подождать.

В тени виноградных лоз и яблонь на берегу реки, бегущей с горных вершин, расклад получился идеальный – салат, шашлык, свежее пиво. Очень вкусно и дешево. Какие еще нужны сокровища?

За соседним столом российские ребята – военные контрактники. Познакомились. Дембеля. Улетают домой.

Показал им фотографии с того берега Амударьи. Говорят, что здесь на границе пока тихо, но ислам наползает. Страна развивается слабо. Кругом безработица.

И действительно, когда мы поехали посмотреть город, по одной запруженной улочке долго не могли продвинуться. Так иногда по дороге на дачу приходится останавливаться и ждать, пока мимо пройдет сельское стадо. Когда-то такими массами народ выходил из кинотеатров или концертных залов, а теперь толпа валит из мечети.

Проезжая по пустынному проспекту мимо резиденции президента Таджикистана, я попросил водителя притормозить, чтобы сделать снимок. Тут же из-под земли вырос охранник:

– Фотографировать запрещено, немедленно уезжайте!

Только приготовился на центральной площади снять памятник, подошли полицейские и попытались изъять фотоаппарат.

Хорошо, таксист помог – вступился за гостя.

В каком-то смысле в Афганистане при американцах даже больше демократии, чем в наших постсоветских странах. По крайней мере в том, что касается сроков выбора президента, точно!

И, если уж заговорил про демократию и свободы...

Вначале 90-х я издавал независимую экологическую газету «Оазис». Мы боролись против душивших фосфорных заводов в Джамбуле. В основном с помощью американских грантов для общественных организаций.

Волей обстоятельств я оказался в Вашингтоне в доме Элайзы Клос – директора ISAR (бывший Институт советско-американских отношений).

– Где удалось побывать, что интересное увидеть? – спрашивали меня хозяева за ужином в лесопарковой зоне близ столицы.

Желая как-то отплатить за гостеприимство и развлечь приютившую меня семью, я потешил их рассказом о чудесах американской демократии.

– В Белый дом я, к сожалению, не попал, но, как всякий любопытствующий журналист, хотел побывать на заседании Конгресса. В тот день зал пустовал. На балконе для посетителей сидели десятка полтора туристов и полицейский.

Внизу трибуна, выше по центру – большое кресло спикера. Несколько человек, что-то обсуждая, ходят по залу.

– А как туда пройти? – спросил я у не в меру упитанного, туго стянутого ремнями полицейского.

– Туда нельзя.

– А они почему там?

– Это конгрессмены, – ответил он, надменно глянув на меня с верхнего ряда, мол, знай сверчок свой шесток.

«Ах, ты, – думаю, – толстая морда. Ты еще наших не знаешь».

Зажратых полицейских не люблю. По моим понятиям страж порядка должен быть поджарым и всегда на стреме, как журналист.

Но еще больше я не люблю, когда меня куда-то не пускают. Органически не переношу, когда тормозят. И уж если чего захочу... Я, конечно, не Вольф Мессинг, но кое-что удавалось.

Однажды в главном здании (высотке) МГУ, где я учился на журфаке, выступал Святослав Рихтер. Билетов в помине нет. Но я очень хотел услышать его живьем. Проник через служебную дверь вместе с консерваторской профессурой и сидел на сцене на персональном стуле почти за спиной у Святослава Теофиловича.

Так вот, спустившись по боковой лестнице с балкона, я вышел в центральную ротонду Конгресса, где висят картины на сюжеты из американской истории, свернул вправо от лежащей под стеклом первой Конституции США в коридор и по ковровой дорожке пошел мимо экспонатов и статуй. Впереди у входа в освещенную солнцем галерею стояли лицом к лицу солдаты в парадной форме с винтовками наизготовку. По галерее, переминаясь с пятки на носок, прохаживался офицер с саблей. Вход туда был явно ограничен.

Я огляделся. Через скульптурный зал, в дорогих костюмах, при галстуках, в блестяще надраенных туфлях, что-то увлеченно обсуждая и чувствуя себя абсолютно дома, шествовали два высоких, роскошных и довольно надменных сэра. Они шли по ковру прямо в галерею. Я, подобрав ногу, пристроился вслед, отставая на полшага, сделав вид, что иду вместе с ними. Мальчишество – мне уже было под сорок.

Солдаты не шелохнулись, офицер с саблей отдал честь. Слегка кивнув головой, я продолжал, как мог, спокойно идти рядом.

Распахнутые двери справа раскрывали панораму пустующего зала Конгресса. Не размышляя, я шагнул в него. Зал был пуст. Центральное кресло выделялось своей основательностью. Поднявшись по ступенькам, я прошел меж рядов до кресла спикера и сел в него.

Это было массивное, обитое толстой, чувствуется, очень крепкой коричневой кожей кресло. Повертел его туда-сюда, мне даже показалось, что оно немного люфтит на шарнире. Но, возможно, так и требуется по регламенту.

На меня обратили внимание люди на балконе, я помахал им рукой.

– Смотрите, смотрите! – загалдели туристы, показывая полицейскому. – Он там!

Коп вскочил.

Я сделал ему ручкой – Привет!

Пока страж порядка с перекошенным лицом звонил и кричал в свою мобильную рацию, я, оставив свято место, спустился в зал.

Через несколько секунд вбежали два офицера:

– Кто вы такой?

– Я – журналист.

– Откуда?

– Русский, из Казахстана.

- Документы?
- Вот мое удостоверение.
- Как вы сюда попали?
- Как и вы, через дверь.
- Что вы тут делаете?
- Просто изучаю обстановку.
- О'кей! – ответили мне они, повертев в руках и вернув красную книжицу с непонятной кириллицей.

Удивительно, они не вывели меня под белые руки. Они успокоили полицейского – мол, ничего страшного, человек изучает обстановку. Взяли под козырек и удалились.

Впрочем, я тоже решил не задерживаться.

Все-таки это Америка, демократия – я восхищен! У нас бы не подпустили близко. Меня бы тут же куда-нибудь загребли, и имел бы я кучу неприятностей, рассыпался я в комплиментах.

– Об этом обязательно нужно написать! – воодушевленно воскликнул муж Элайзы – Кевин Клос (Kevin Klose), бывший московский корреспондент газеты «Вашингтон пост», а потом директор «Радио Свобода».

Вот, с некоторым опозданием, написал. Впрочем, это уже исторический факт, поскольку все бывшие вольности остались в прошлом. После 11 сентября 2001-го Америка невозвратно изменилась. Ей дали под дых. Гораздо ниже пояса. Еще и сверху – по башням.

Наша Азия не особо дружит с демократией, ей бастыка в роли пастуха по давай. Чтоб гнал стадо. Тут много умных не надо, пастух сам умный. Погонит туда, где позеленее травка, где-то от волков защитит, ну, и, где захочет, сам шкуру снимет...

В Штатах, конечно, народ посамостоятельнее. Арсеналы оружия есть практически в каждом доме. В Луизиане у Тима Фицджеральда кроме кольта, револьвера и карабина хранится раритетное ружье с шестигранным стволом времен Гражданской войны Севера и Юга. Его нужно заряжать шомполом спереди через дуло.

Муж моей сестры в Калифорнии, демонстрируя свои сокровища, поднял высокую семейную кровать и извлек оттуда, как из сейфа, штуки три пистолета, пулемет, автомат Калашникова и пару винтовок.

В спальне у главы Пентагона стоят пушки, танки, авианосцы и ядерные ракеты.

Народ там готов защищать собственность и достоинство до последнего патрона. Пальба стоит по всей стране – в школах и кабаках. Со Средиземного моря, играя на компьютере, пошмаляли ракетами по Белграду, потом побомбили Ирак. Иначе и быть не может при таком избытии оружия. Недаром у них существует «культура убийства».

При этом двуличие и ограниченное чувство юмора в подавляющей массе старательно прикрывается дежурными улыбками. Убрали из школьной программы моего любимого Марка Твена, дескать, неполиткорректно по нынешним меркам написал о негре Джиме – выставил его совсем необразованным⁷.

Удивительно, почему Твена вообще не запретили, хотя бы за его знаменитый комментарий к высказыванию соотечественника: «Мы – англосаксы, а когда англосаксу что-нибудь надобно, он идет и берет».

⁷ По мнению Э. Хемингуэя, из «Приключений Тома Сойера и Гекльберри Финна» М. Твена выросла вся американская литература.

Если перевести эту выдающуюся декларацию (и чувства, в ней выраженные) на простой человеческий язык, она будет звучать примерно так: «Мы, англичане и американцы – воры, разбойники и пираты, чем и гордимся».

Как-то на даче я подстрелил из воздушки курицу. Соседскую. Повадилась – разгребала навоз на розах, выклевывала всходы на грядках. Теперь в лапшу.

Жена против резких мер. Говорит, заделывай заборы, чтобы не лезли.

Но против куры поди, закрой все дыры.

– В США, – объясняю, – если кто-то полез к тебе через ограду, по закону имеешь право стрелять на поражение.

– Мы же не в США.

– Но мы ведь стремимся войти в цивилизованный мир!

Вон в Афгане как полетят бомбить талибов, так десяток-другой мирных жителей, женщин и детей уокошат, и хоть бы хны им!

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АФЕРИСТ

В аэропорту Кабула строгий таможенный контроль.

Мужчина, стоявший впереди меня в очереди, подsunул что-то зажатое в кулаке под барсетку (вероятно, таксу за пронос валюты), следом туда нырнула рука контролера. Невольно став свидетелем манипуляции, я поставил чемодан на транспортерную ленту смотрового аппарата.

– Что это у вас?

– Водка.

– Почему четыре бутылки? – громко возмутилась таможня.

– Это подарок, дьютри фри!

– Ничего не знаю, разрешено только две!

– Дьютри фри! – как заклинание повторил я.

– Какая разница! Ты приехал в священный месяц Рамадан и нарушаешь закон страны! Будешь возражать, вообще не пущу.

Сержант схватил две бутылки, отвинтил крышки и с криком «Аллах акбар!» вылил содержимое в мусорный контейнер.

– Надо было ему дать одну, – сказал сосед рядом.

Я стоял молча. Не успел, не догадался.

В коридоре отеля Kabul Star раздавалась русская речь. Кто-то в соседней комнате с открытой дверью громко говорил по телефону.

Я прислушался. Афганская фирма поставляет из Казахстана тысячи тонн зерна и муки в год. С ней работает казахстанский посредник.

Улучив момент, я познакомился.

– Как вам удалось так мощно развернуться?

– Спрос на муку и зерно вырос в связи с конфликтом с Пакистаном. Там оставились сотни мельниц. Мука в Афгане уходит влет. Лепешки пекут на каждом шагу. Это основной продукт питания миллионов. У нас есть завязки в правительстве и прямые поставки. Без связей здесь ничего не сделаешь. А если по закону, с налогами – невыгодно.

Прошло уже десять дней, а банковской гарантии по-прежнему нет.

Сафир недоволен:

– Что у вас за организация такая, не можете нормально сделать?

Я смущен. Мне не верят. Получается, я представляю несостоятельную компанию.

Прямо перед МИДом взорвалась начиненная динамитом машина скорой помощи. Террористы-смертники хотели въехать на территорию министерства. Их не пропустили. Они и рванули у входа, где всегда толпится народ. В двухстах метрах от моего отеля.

Начало июля. Жара. На улицу выходить не советуют.

Позвонил Вазир и угрюмо потребовал финансовую компенсацию за отложенный по нашей вине тендер...

И тут я реально струхнул. Денег нет, и не могло быть. Я написал шефу, что мне угрожают, а сам рванул в агентство, купил быстренько у Марьям билет на самолет. Советник, согласившись, что ситуация стала опасной, вывез меня в аэропорт.

Уже закончилась регистрация, сижу в зале ожидания. Звонит шеф.

Он прочитал мое послание – вежливо, но настойчиво просит остаться и участвовать в тендере. Говорит, что очень важно присутствовать на вскрытии конвертов и оценить конкурентов. А деньги можно пообещать отдать в случае победы.

Что ж, сдаю билет. Еду и опять устраиваюсь в гостиницу.

– Но дайте мне хоть какую-то бумажку! Пусть липовую! – кричу я в телефон бухгалтеру.

Всю ночь шла работа. К утру наши компьютерные умельцы состряпали в фотошопе искомую банковскую гарантию от известного банка зелененького цвета с подписями и печатями в нужных местах. Я получил ее по электронке и сбросил на флэшку.

Утром советник заехал за мной, с ним вместе мы остановились у копировального центра. Не раскрывая тайны, я распечатал подделку на цветном принтере и приложил ее к пакету документов. Красивая бумага – не отличишь от оригинала, если не присматриваться.

В резиденцию президента ИРА я попал не через парадный вход, а с площади, где висел портрет Ахмад Шаха Масуда. Предъявив охраннику паспорт и приглашение, я вошел в расщелину между двумя раздвинутыми плитами стены и долго шуршал крупным щебнем, устлавшим извилистый проход до пункта досмотра и туалета а-ля сортир под забором.

Длинные двух- и трехэтажные служебные здания ничем не напоминали дворец. Пройдя через узкие проходы между сетками и бетонными блоками, я повернул туда-сюда и заблудился.

Оставалось десять минут до дедлайна, когда в коридоре на полуразвалившейся тумбочке мне отметили время принятия документов. Успел, однако!

За длинным столом в полумраке комнаты сидели, исподволь поглядывая друг на друга, претенденты и члены комиссии. Вазир тоже здесь. Он на меня не смотрит. Но я кое-что прихватил с собой.

– Итак, у нас зарегистрировано пять компаний, – объявил председатель тендерной комиссии. Он взял наш пакет и стал перечислять документы по порядку: письмо-заявка, банковская гарантия, техническая документация, предлагаемый бюджет проекта – 12,500,000.00 долларов.

Ассистент занес цифру на доску в графу напротив названия нашей компании – «Юг-Дрилл-Мунай».

Три круглолицых китайца озабоченно повернули ко мне головы.

Вскрыли красиво запакованные конверты турецко-израильского тандема. Их предложение на 600 тысяч ниже нашего. Сдерживая торжествующую улыбку, они еще предлагают пятипроцентную скидку в виде бонуса, при условии присуждения им проекта.

У одной китайской компании нет банковской гарантии, ее снимают с конкурса, у другой гарантия китайского банка, у третьей афганского, но все бюджеты выше 13 миллионов.

Результаты вскрытия отражаются на доске.

Итак, лучшее предложение у турко-евреев. Мы на втором месте. Китайцы на третьем.

Тендер завершился, но председатель комиссии почему-то опять начинает копаться в документах. Он вертит мою банковскую гарантию в руках, поднося поближе к очкам и к настольной лампе.

– Это копия?! – как гром, вопрошает он.

– Да, – отвечаю тихо.

– Почему копия?

– Оригинал выслали, но не успел дойти.

– Почему не сказали, что копия?

– Какая разница, все равно оригинал будет завтра-послезавтра.

– Причина задержки?

– Афганистан – рискованная страна. Банк под санкциями. Долго держал Лондон.

– Ладно, посмотрим.

Претензии как бы не принципиальны, при наличии явного победителя.

Дождавшись в коридоре Вазира, я вручил ему бутылку «Русского стандарта» в качестве утешительного приза. Он криво усмехнулся, но взял.

– Окончательный выбор за комиссией и директором в Шибаргане, – сказал он тихо. – Вы хотите получить проект?

– Да!

– Будет банковская гарантия?

– Будет.

– Готовы платить бонус – 10% от суммы проекта?

– Готовы. Но после зачисления первого транша, – произнес я твердо.

Подковерные игры только начинаются. Тут все на личных связях – принцип, на котором держится экономика не только азиатских стран.

Сафир сердится:

– Почему не смогли сделать, как надо?

Но все, что от меня зависело, я выполнил. И тендер перенес, и липовой гарантией время выиграл, но сам оказался уже почти в ранге международного афериста.

БЕДНЫЙ РАПУНОК

– Сходи в мечеть, закажи молитву за успех компании, – попросил шеф.

Грешен, люблю всякие аттракционы, особенно на грани фола, поэтому согласился.

Предварительно проконсультировался у Хафиза, как правильно оформить мусульманскую молитву за успех.

– Молитва называется «дуа», ее можно заказать, но это ничего не гарантирует, – объяснил он серьезно.

Вечером после дождичка, я отправился в огромную мечеть. Народищу! И все на коленях и задницами вверх.

Тут даже запаркованные машины стоят так, будто они поставлены читать намаз.

Подождал, пока закончится служба. Народ поднялся, стал расходиться. Я обратился к выходящим, с уверенностью, что всегда найдется тот, кто понимает по-английски.

– Уважаемые, помогите обратиться к мулле.

Муллу известили, и он направился ко мне через зал. Из окружившей толпы кто-то выкрикнул:

– Эй, ты, христианин, зачем сюда пришел?

Но подоспевший мулла остановил его:

– Пусть говорит, что надо.

Я объяснил, что шеф просил прочитать «дуа» за успех нашей компании в Афганистане.

– Он мусульманин?

– Конечно!

– Почему сам не пришел?

– Он сейчас в далекой стране – Казахстан. А я здесь. И очень меня просил.

– Хорошо, – сказал мулла, – пойдем со мной.

Мы отправились по длинным извилистым коридорам мечети во внутренние покои.

В комнате по стенке располагались талибы (что, в общем-то, значит просто – ученики). Они смотрели на меня доброжелательно. Пригласили сесть.

Муллу расположил на возвышении, расспросил, чем мы занимаемся. Поправил чалму и запел. Не знаю, что он сообщил Аллаху по-арабски, вероятно, попросил, чтобы нам повезло. Я поблагодарил его, как следует, афганянами.

Мне предложили чаю. Но, ответив «Ташаккур», я смиренно удалился.

Теперь пол-Кабула примется обсуждать, как некий русский приходил в мечеть ставить свечку за здоровье буровиков.

Не буду уповать на Аллаха, религия – самая большая обуза, доставшаяся человечеству от тьмы веков. Но в то, что слово материализуется, я, как писатель, искренне верю.

По крайней мере, в том, что прилипчивый русский мат прочно прописался на афганских просторах, я убедился незамедлительно. В Азии вообще часто слышишь, как, разговаривая на своем языке, ругаются непременно по-русски.

Ночная жизнь кипела в освещенном квартале столицы, в киосках давили соки из фруктов, горел огонь в мангалах, жарились шашлыки, румянясь, шипели на вертелах цыплята, распахнутые двери харчевен приглашали войти.

Я остановился посмотреть на живую рыбу, бьющую хвостом в тазу.

Один работник извлекал ее из мешка, второй готовился чистить.

– Почем сом? – спросил я.

– Купишь? – спросил он меня.

Рыба здесь стоила дороже мяса.

– Нет. Просто смотрю.

– О! Руси? Я знаю русский, – сказал первый и, тыкая пальцем в напарника, заорал на всю улицу:

– Он – сука, бл...ь!

И тот в ответ послал его куда подальше!

Первый толкнул второго и с визгом и смехом бросился удирать в недра заведения.

Под дружное ржание шашлычников я продолжил шествие по ночному Кабулу, припомнив промелькнувший недавно в интернете заголовок: «Незнание русского мата угрожает НАТО».

Оригинальные идеи посещают шефа регулярно. После визита в мечеть он вдруг предложил:

– А ты сделай обрезание. Они там это очень ценят.

– Хорошо, – говорю. – Кто-то подсчитал, что если сложить всю обрезанную за века плоть в одну линию, то она дотянется от Земли до Марса. Могу и я вложить свою лепту в великое дело обрезания хоть до Юпитера. Но надо сначала посоветоваться с женой.

Звоню, рассказываю, что был в мечети. Так, мол, и так...

– Сделал обрезание? – с ходу спрашивает она.

– А у тебя интерес какой – теоретический, практический или идеологический?

– Стратегический! – отрезала она.

Женщина всегда сумеет уйти от ответа.

Конечно, если бы шеф читал то, что я пишу, и, в частности, о моем отношении к религии⁸, он никогда бы не предложил ничего подобного. Но книжки в его руках я никогда не видел. Слишком много *букоф*. А редкие его эсэмэски хоть сразу отправляй в кунсткамеру. Есть у меня крепкое подозрение, что и запоздалый вузовский диплом ему принесли в конверте. Что, впрочем, мелочь. Руководить и приумножать доходы ему удастся. А это в бизнесе главное.

Тут невольно вспомнишь марксистско-ленинскую политэкономия, где капиталист-предприниматель осуждается за присвоенную прибавочную стоимость, которая возникает из эксплуатации труда наемного работника и которую предлагалось экспроприировать с помощью революции. Я же подумал: «А кто этому работнику, то бишь мне, например, мешает завести свое собственное дело? И зарабатывать бешеные бабки?»

Трудно? Да! Рисковать средствами, тратить нервы, время, порой день и ночь не спать, соображая, как обойти проклятых конкурентов, вести переговоры, вариться в массе завистливых, капризных, вороватых, склонных к криминалу людей, создавая рабочие места для тех, кто сам не умеет или ленится – какой дурак будет заниматься этим без выгоды?

Хозяин-предприниматель – не только эксплуататор, но в первую очередь организатор, что полностью игнорировалось коммунистической пропагандой. Хороших организаторов всегда мало.

Для бизнеса нужны хватка, здоровье и большое желание. А шеф – охотник по натуре. Бьет влет фазана со ста метров. Гоняется за волками. Оскаленная пасть зверя встретит вас в фойе офиса. В кабинете на полу шкура убитого медведя, десяток пернатых и рогатых трофеев по стенам.

Он утверждает, что основы бизнеса познал еще в детстве, продавая из бидончика айран, заквашенный его бабушкой. Естественно, воспоминания обросли мифологией:

– В день у меня выручка доходила до 50 долларов!

– Да что вы, никому не говорите, смеяться будут. В 70-е годы при тогдашней цене молока 30 копеек за литр и курсе валюты на черном рынке 2,5-3 рубля нужно продать двести литров айрана в день.

⁸ Эссе «Дон-Кихот и черная дыра», журнал «Дружба народов», 2016, № 4.

Он злится, что-то бормочет, типа «я начальник – ты дурак». Но я старше на десять лет. А старших у нас в Азии полагается уважать.

Руководство компанией ведется хаотично, авторитарно и порой просто глупо, с огромными потерями, но в итоге все равно прирастает.

Однако взрослые дети шефа уже покрыты жирком. Не ловчие, не охотники. Он им дал образование, втягивает в бизнес, но те с ленцой. Выросли на готовом. Он их вдаль не пошлет «за анчаром». Ни-ни, не потекут они.

Заметки на полях

В детстве жена, еще не умея читать, мгновенно запоминала стихи на слух, и никак не могла понять, почему «человека человек послал», а умер какой-то «бедный рапунок»?

ПРЕЗИДЕНТ КОМПАНИИ

Когда все заканчивается, тогда только все и начинается.

Не знаю, какие там у Лондона с нашими банками терки. Внутренняя деятельность международных банков глубоко эшелонирована и секторально законспирирована.

Пусть шеф напрямую говорит с Сафиром.

Собрали в чате консилиум.

– Черт с ним, с афганским банком, – жестко предложил Сафир, – срочно давайте банковскую гарантию без перевода денег, как китайцы, а тут регистрируйте компанию и открывайте счет!

Эту банковскую гарантию (БГ) сделали на удивление быстро – за пару дней и отправили в Кабул – зелененькую.

И тут снова грянул гром! Афганская комиссия запросила банк о легитимности приложенной к тендерным документам копии БГ, поскольку ни даты, ни номера двух бумаг не совпадали.

Естественно, возник вопрос, откуда она взялась?

Молния ударила прямо в нашу липу! Ужас заключался в том, что в ответ на запрос служба безопасности банка начала расследование по фальшивой гарантии, а афганская сторона просила, чтобы банк нас охарактеризовал как можно скорее и как можно положительнее.

Скандал до небес. Стыдоба, позор! Нас грозят лишить счетов. Что делал шеф, как там изворачивались финдиректор и главбух, даже не спрашивал.

Но информация пока не достигла Кабула. Ни министерство, ни конкуренты ни о чем не подозревают.

Сафир пытается разрулить. В игру вступил VIP. Общими усилиями удалось отсрочить подписание контракта на пару недель.

Чтобы придать процессу хоть какое-то формальное приличие, уговорили афганцев с того же адреса отправить краткое письмо следующего содержания: «Пожалуйста, подтвердите легитимность банковской гарантии № (...) от такого-то числа, полученной нами по DHL. Просим проигнорировать наше предыдущее письмо-запрос от такой-то даты».

Помогло.

Для регистрации компании требовалось постоянное присутствие полномочного представителя, т. е. меня. Шеф велел оставаться, сколько понадобится. Сделали доверенность. Сказали, что все оплатят.

Итак, я остаюсь. Сафир обещает помощь и даже назначил мне верного человека по имени Хади, чтобы он ходил со мной по всем инстанциям.

Высокий, худощавый, насмешливый помощник посла афганец, кроме родных пушту и дари свободно владевший русским и английским, оказался чудесным и незаменимым проводником по закоулкам местной бюрократии. Еще при Союзе Хади закончил у нас пединститут и даже поработал учителем истории в советской школе. Семья его давно жила в Казахстане. Он сам сидел за рулем, обеспечивая мне полную мобильность. Под арку ворот МИДа, где толпится народ, впускали не каждого. Нас пропустили. Сразу было заметно, что Хади тут свой человек.

Двор МИДа выглядел вполне респектабельно. Британская миссия 19 века – легкая балконная колоннада Викторианской эпохи, традиционный английский газон, постригаемый с имперских времен, изящно расставленные деревья и скамейки.

Но внутри ветхого здания стены ободраны, лестницы с обитыми ступеньками, полы прогибаются и пляшут. Кабинеты переполняет смесь вышколенных дипломатических сотрудников и духа беспредельного пофигизма.

Афганский МИД – заповедное место, где можно наблюдать такие эффекты: по лестнице поднимается господин в строгом костюме, белой рубашке, при галстукке и в стоптанных шлепанцах на босу ногу. Женщины сплошь в черных платках, поэтому кажется, что все они в трауре.

Мы ходили от кабинета к кабинету, и пока я выстаивал очереди, получал формы, расписывался и оплачивал, Хади, отлучаясь, решал свои вопросы. То в одном, то в другом окне служащие с радостью норовили заговорить со мной по-русски, давали советы, предлагали чай и даже приглашали в гости.

Многие лица явно с хорошим европейским образованием, при компьютерах. Но весь процесс офисной жизнедеятельности по-азиатски хаотичен. Помпы, апломба много, а неразберихи еще больше.

– Порядка нет не потому, что не стараются. Они дети высокопоставленных родителей, – комментирует Хади, – поэтому галстуки длинные, а в головах мало. Им главное, чтобы вокруг красиво было, газоны, аллейки – место, где отдохнуть. Другое мало заботит.

А как иначе – сидят в Рамадан с утра не евшие, скучающие клерки, ставят закорючки на оторванных бумажках, регистрируют в помятые талмуды. В любом советском колхозе больше порядка. Здесь же все – иншалла!

Наконец у нас приняли первичную заявку, дали список требуемых документов. Главный из них – справка о несудимости. Получить ее нужно собственноручно с удостоверением в своей стране.

Наш казахстанский Центр обслуживания населения (ЦОН) – для Афгана пока недостижимая заоблачная мечта. Имея на руках электронный ключ к личному кабинету, я в тот же день смог за тридевять земель через Интернет вытащить и распечатать свою справку, которую мне перевели и заверили в посольстве.

Теперь меня еще прокрутят через Интерпол. Но и тут куда надо замолвил слово Сафир, и стандартных десяти дней ожидания не потребовалось.

Собрав документы на заявку, идем к специальному чиновнику. Кабинет – полна горница людей, но того, кто нужен – нет. Его стол пуст.

Наконец пришел, посмотрел наши документы, принял и положил на стол соседу напротив. Попросил подождать в коридоре.

Минут через двадцать появился сосед. Хади сам зашел в кабинет и что-то громко объяснял по-афгански. Мое ухо постепенно стало привыкать к звукам языка, но пушту от дари не отличу.

Хади вышел:

– Да, приняли, сказали, приходите завтра. По закону сутки на процедурные вопросы.

Покинув здание, мы уже почти дошли до арки, как вдруг Хади осенило:

– Он фотографию к анкете не прикрепил скрепкой. Надо проверить, еще потеряет, а завтра скажет, не было фотографии.

Вернулись. Как в воду глядел. Попросили проверить наш пакет. Фотографии не оказалось. Она уже затерялась где-то в бумагах. Хорошо, что у меня была запасная.

– Ты их уже знаешь как облупленных! – воскликнул я.

– Они не стараются хорошо работать, чтобы делать карьеру, они сидят и ждут, когда их отправят за границу и будут платить по пять тысяч долларов в месяц. Остальное их вообще не интересует.

На завтра снова в МИД. Оплатил сбор за регистрацию компании.

– Кого записываем президентом? – спросили в окошке.

– Пишите меня, другой кандидатуры рядом нет.

Заметки на полях

Ночью мне приснилось, как я форсирую речку в горном ущелье, проваливаюсь в холодную воду, но выкарабкавшись на берег, вдруг начинаю читать стихи на фарси.

Проснувшись, вспоминаю, как в начале 90-х в теплом узком кругу после международной встречи общественных экологических организаций, устроенной американцами, я попросил молодого министра экологии Таджикистана почитать Омара Хайяма в оригинале. Читал он вдохновенно, но, к сожалению, продержался на посту министра недолго.

ПЯТНИЦА НАЧИНАЕТСЯ В ЧЕТВЕРГ

Сутки здесь заканчиваются с заходом Солнца. Ночь принадлежит следующему дню.

Накануне вся страна напряженно ждала, когда взойдет Луна и главный муфтий объявит начало Ураза Байрам⁹. В ту июльскую ночь 2016 года Луна по хиджре¹⁰ взошла чуть позже, чем хотелось всем (хотя любая приличная обсерватория могла на десятки лет вперед с точностью до секунды предсказать ее появление). Праздника не получилось, а продолжился пост. День остался рабочим. Народ опять скучал натошак до заката.

Погода стояла прекрасная. Нужно было ехать в государственное агентство и завершать оформление лицензии. Следовало успеть до начала праздника, потому что потом дней на десять вся деловая жизнь замрет.

Правоверный Хади, как он самокритично выразился, «борясь с ленью», решил, что надо все-таки съездить, – «авось, агентство работает, иншалла».

Прихватив заверенные в МИДе документы и нашего местного представителя – молчаливого предпринимателя, сын которого через посольство оформлялся на учебу в Казахстан, мы долго катили по полупустым улицам, проехали мимо стен исторического музея, откуда талибы в свое время пограбили бактрийское золото, и, наконец, остановились возле аэрокосмического музея.

⁹ Исламский праздник разговения, отмечаемый в честь окончания поста в месяц Рамадан.

¹⁰ Исламский календарь.

За забором торчал облупленный остов «Боинга» и белое острие советской ракеты.

Расположенное рядом агентство работало.

Потянулось долгое ожидание в очереди, заполнение форм на фарси и английском, передача документов из одного окна в другое, оплата сбора – 700 долларов, потом подпись у начальника.

Среди посетителей агентства я вдруг заметил знакомого по тендеру китайца. Он тут был с переводчиком и тоже что-то регистрировал. С ухмылкой пронырливого плута он поприветствовал нас и вскоре исчез.

Во время праздников торговля не замирала. Работали базары и магазины. Большую часть дня я проводил в Экспо-центре со своими образцами риса и макарон. Наш кзыл-ординский рис здесь спросом не пользовался, народ предпочитает длинный индийский. Хотя на вкус моей жены, наш рис ароматнее, лучше вбирает воду и жир, а их, как пластмасса. А вот макаронные изделия вызвали настоящий ажиотаж. Особенно оптовая цена. От желающих сотрудничать не было отбоя. Я перезнакомился с множеством поставщиков и дистрибьюторов, один из них по имени Рахматулла проявлял особую заинтересованность и, сидя в кафе, мы несколько раз обсуждали варианты поставок и таможенные барьеры.

Миновал праздник, и вот наступил день, когда, завершив регистрацию компании, я получил на руки лицензию. Мое фото три на четыре смотрит на меня с золотистого гербового листа с тиснением и вензелями. Под фото надпись – «Президент компании».

Я работал преподавателем английского языка, редактором газеты, переводчиком при иностранном супервайзере, начальником бурового участка, но президентом еще не был никогда.

Сообщение вызвало прилив веселья у моей жены. Сын тоже долго потешался.

Немедля заказал печать, фирменный бланк и визитки. Завтра они будут готовы, и я открою счет в банке.

По здешнему регламенту перед открытием счета юрист банка обязан осмотреть место моей работы. Сафир распорядился обустроить мне его прямо в посольстве, используя стол Хади.

Юрист проверил мой рабочий уголок. Потом мы посидели, выпив по чашке чая в комнате для приема официальных гостей под флагами. Банковский служащий остался доволен, о чем и написал в своем отчете.

А я приобрел определенный опыт. Думаю, скоро смогу давать консультации о том, как заводить бизнес в этой непростой стране. Пока же скажу главное: если вы русский, к вам отнесутся со вниманием, и, не побоюсь этого слова, даже с любовью.

НАШ ЧЕЛОВЕК В АФГАНИСТАНЕ

После встречи в кафе, где наметились шаги по общему бизнесу, Рахматулла пригласил меня к себе в гости. В афганском доме я еще ни разу не был.

Вечер. На площади дежурят пикапы в камуфляжной зелено-пятнистой окраске с нарядами военной полиции. На улицах почти никого.

– Не ходите один, это опасно, – предупреждает продавец.

– А что может случиться?

– Всякое может случиться.

Афганские бизнесмены не отличаются пунктуальностью. Договаривались встретиться в четыре. Было уже семь вечера, когда раздался звонок и Рахматулла объявил, что он будет через час, иншалла, потому что у него была другая важная встреча с индийцем.

Приехал он уже в девятом часу. За окном стояла темень.

Я решил, что слишком поздно, не поеду. На всякий случай оставил на ресепшене записку с номерами телефонов: свой и афганца, сказав, что если вдруг отлучусь, то чтобы мне обязательно позвонили. И знали, где меня искать.

Миновав охрану отеля, я вышел на улицу. Потертая праворульная «Тойота» стояла у обочины.

– Вы, ребята, припозднились. Я не могу ехать, у меня полно работы.

– Ну, как же так, мы приготовили ужин, все ждут! – произнес он голосом полным такого искреннего огорчения, что мне его стало жалко.

– Ладно, только ненадолго, максимум на час, и обратно.

– Все, хорошо. Как скажешь! – обрадовался он, как ребенок.

Попетляв по улицам, мы поехали прямо в гору, на почти отвесный подъем по узкому коридору, где едва разъедутся две легковушки.

Район примерно соответствовал московской Рублевке. Здесь живет министр, там – генерал. Но фасады здесь не являются витриной достижений семейного хозяйства. За неоштукатуренными стенами и давно некрашеной дверью может скрываться богатое убранство многоэтажного дома, где живут сразу несколько поколений и семей родственников.

– Этот дом мы построили сами, – не без гордости сказал Рахматулла, показывая на отвесную стену с единственным окошком под крышей. – Вот тут была огромная дыра от снаряда. Вокруг было все разрушено. За 8 лет восстановили. Теперь у нас три этажа.

Мы поднялись по цементным ступеням в длинную широкую прихожую, по бокам которой, как в коридоре гостиницы, виднелись двери. Мебели в комнатах никакой. Роскошные ковры в темно-красных тонах на полу и на стенах, вдоль стен прикрытые коврами матрасы, и на них подушки, расшитые национальным орнаментом.

В нише рядом со стопкой книг стоял портрет седого мужчины в генеральских погонах. Я понял, что это был покойный отец, о котором рассказывал Рахматулла.

Мы сидели, вели беседу о богатствах недр Афганистана, о возможностях поставок продовольствия, текущем конфликте с Пакистаном и ругали Интернет, который работал отвратительно.

Он почесывал подбородок с реденькой порослью. Наверняка хотел бы иметь густую бороду, но она не росла.

Пришли познакомиться братья и племянники – все с высшим образованием, знающие по три-четыре языка. Бородатый дядя – крупная фигура в региональных транспортных перевозках – воевал и помнит несколько слов по-русски. Женщин не видно. Они на своей половине готовили ужин.

Мы выпили по бокалу сока. Никакого намека на алкоголь.

Принесли кувшин и тазик – помыть руки.

– Не как у вас? – извиняясь, спросил Рахматулла.

– Почему ж, у нас в Казахстане точно так же.

– Правда? – удивился он.

– Казахи в юрте на природе тоже расстилают дастархан, ноги калачом и бешбармачат, запивая беленькой.

– Неужели? Они мусульмане? – недоверчиво улыбнулся Рахматулла.

– Конечно! – подтвердил я.

Подали салаты и блюдо, которое называлось «манту», наши азиатские приготовленные на пару манты с мясом, только помельче и присыпанные чем-то черненьким.

За едой и разговором время полетело незаметно.

– Скажи мне, – от чего-то осмелев и усевшись поудобнее, задал я давно не дававший покоя вопрос, – почему, когда начинаешь общаться с местными, тебя сначала настороженно спрашивают, кто ты – немец, американец, но как только узнают, что русский, сразу радуются, начинают вспоминать русские слова, и многие говорят, что их главная мечта – побывать в Москве. В чем дело? Мы же с вами воевали.

– Русские много сделали для Афганистана.

– Но американцы вкладывают сюда миллиарды.

– Да, одним самолетом они их привозят, а другим еще больше увозят. Простым людям ничего не остается. А от вас остались школы, больницы и микрорайоны... Русские – щедрые люди. Это здесь помнят все. И еще, я тебе скажу, может, это никто тебе больше не скажет. Ни один русский солдат не изнасиловал афганскую женщину. Русские не трогали наших женщин и не издевались над пленными.

– А американцы?

– О! Эти насиловали много. Один пьяный американский солдат пошел и расстрелял двадцать человек в селе, так просто, для забавы. Они все время бомбят самолетами женщин и детей. А про военную тюрьму Баграм, наверно, тоже слышал?

Я кивнул головой.

– Мы их ненавидим. И не останется ни одного американца на нашей земле. Слово пуштуна!

Он произнес несколько крепких проклятий.

– Русский – смелый. В бою он может стоять во весь рост и стрелять из автомата, как афганец. Мы уважаем настоящих воинов. Американцы – трусливые. Ни один из них не согласился бы, как ты, поехать ночью в гости. Он бы подумал, что его убьют.

– Я не видел американцев на улицах.

– Они сами не ходят в город. А еще американцы разрушают семью. Это подлая, сатанинская нация. У них там уже дети не знают, кто их папа, скоро не будут знать и свою маму. Родители и дети – чужие друг другу. Всякая порнография и прочие мерзости. Мы это не можем принять.

– Но американцы борются с террористами...

– Американцы только разжигают ненависть и помогают Пакистану, который всячески вредит нам. Но нашу землю мы никому не отдадим.

– Русские тоже любят свою землю. И в этом очень похожи на афганцев.

– Я был совсем маленький, мне было лет шесть. Кругом все разрушено, я не ел два дня, был страшно голодный. Русский солдат на танке дал мне круглую баночку с маленькими черными рыбками.

– Наверное, «шпроты», – догадался я.

– Это было так вкусно. Я это не забуду никогда!

– Хорошо, я тебе в следующий раз привезу такие консервы.

Некоторое время мы молча вкушали традиционный афганский плов из длинного риса с изюмом.

- Но знаешь, – он глубоко вздохнул, – в чем была главная ошибка русских?
- В чем?
- Они хотели отделить народ от религии. Они хотели заменить религию коммунизмом.
- Коммунизм – тоже религия. Одна религия другую не терпит.
- Правильно, но с афганцами это делать нельзя, потому что наша религия – это душа народа.
- Я это чувствую на каждом шагу.
- Азия так устроена, что здесь нужна крепкая центральная власть. Одного человека.
- Но у вас даже больше демократии, чем у нас. В Афганистане переизбирают президента точно в срок!
- Нет, демократия здесь не работает.
- «Ну да, – подумал я про себя, – вам с русскими проще, у вас такой же колхоз, как у нас. Общинный менталитет без гражданского общества. И православие чем-то ближе исламу, по сравнению с другими ветвями христианства. Они еще как дети – хитрящие и доверчивые одновременно. У них еще работает кодекс чести и еще они верят в существование души».

Потом мы сидели на плоской крыше дома. Под нами расстилался сверкающий ночной пятимиллионный убегаящий за горизонт Кабул. Справа и слева огни домов, очертания которых терялись во тьме, забираясь высоко в гору.

Мы пили чай с кандагарским шафраном. Было свежо и как-то очень расковано и весело.

– Я – пуштун, – в который раз гордо произнес Рахматулла, – я дал слово – ты можешь мне верить. Я все сделаю, чтобы наше дело пошло.

И добавил:

– Наши взгляды обращены не на Запад, а к вам на Север.

В отель я вернулся далеко за полночь.

Конечно, с ресепшена никто не позвонил. И сменившийся администратор едва отыскал мою записку под кипой бумаг.

Проснувшись утром, по некоторым симптомам, отдаленно похожим на похмелье, я сделал догадку, что «манту» было приправлено опиумом. О древней традиции угощать таким блюдом особо почетных гостей мне рассказывал консул в Мазари-Шарифе.

РУССКИЙ СТАНДАРТ

Сегодня воскресенье – продуктивный рабочий день. Открыл счет в банке! Внес депозит – 500 долларов, оплату за содержание счета, получил чековую книжку.

Теперь можно делать перечисление триста тысяч для банковской гарантии.

Договор на открытие счета – целая повесть мелким шрифтом. Терминология специфическая – на русский, решил я, пусть переводят в агентстве.

Чтобы отослать договор, нужно его отсканировать. Прошу клерка это сделать, хотя вижу, что парень сидит изрядно обкуренный – не отошел еще от выходных. Оставляю ему флэшку. Через полчаса из отеля отсылаю файл в Казахстан.

Вскоре звонок, слышу недоуменный голос бухгалтера:

– В чем дело, почему в договоре только нечетные страницы?

– Как так? Сейчас проверю.

И в самом деле, этот балбес сканировал, просто перекидывая листы.

За ними нужен глаз да глаз. И это не из вредности, а просто им все по барабану.

Иду опять в банк и заставляю переделывать, как надо.

По правде говоря, уже порядком надоело торчать здесь, даже в качестве президента свежее испеченной компании.

Сегодня у меня состоялась встреча с VIP – доверенным лицом Президента Афганистана и советником вице-президента. Он учился в Питере и прекрасно владеет русским.

Мы приехали к нему в резиденцию с директором шибарганского промысла.

Под деревьями посреди аккуратной выкошенной лужайки я показал ему нашу лицензию. Сказал, что специально нахожусь здесь для регистрации и открытия счета и продвижения дел по тендеру.

Продемонстрировал презентацию и фотографии о нашей поездке с Тимуром в Шибарган на месторождение, объяснил технические детали проекта и подчеркнул его важность для укрепления связей между Афганистаном и Казахстаном, обещал широкое и резонансное освещение в прессе, но ничего не сказал про миллион долларов «отката».

– В чем сейчас проблема? – спросил VIP.

– Проблем нет, – ответил я, – компания зарегистрирована, счет открыт, ждем зачисления денег. И готовы работать.

Он переговорил по телефону с министерством, дал указания, потом сказал, что доложит президенту и вице-президенту, и считает, что положительное решение по тендеру будет принято в нашу пользу.

Сказал также, что будет продолжение проекта – бурение нескольких новых скважин в районе Шибаргана.

И директор и я остались довольны. Появилось чувство, что мы вышли на финишную прямую.

Утром позвонили из посольства и настоятельно рекомендовали оставаться в номере, поскольку начинался давно запланированный митинг хазарейцев, требующих изменить маршрут ЛЭП. Но мне понадобилось сходить в обменник.

Необычная картина – повсюду пустынно, машин на улицах нет, пешеходов мало.

Обменяв деньги, заглянул в супермаркет, где, прежде чем впустить, в железной коробке тебя ощупывает охранник и только потом отрывает следующую железную дверь, через которую попадаешь в большой магазин.

Товары со всего света на любой вкус и кошелек. Отделы хозяйственные и продуктовые. Есть овощи и фрукты, колбаса и молочные изделия. Но выбор рыбных консервов очень маленький, в основном тунец.

В центре магазина помост, и на нем штабелями книги. Взял полистать одну-другую. В руках оказалась небольшая книжичка в крепком переплете – «Поэзия движения Талибан» в переводе на английский, издана в Лондоне. Открываю и удивляюсь: легко узнаваемая лесенка Маяковского. Те же призывы, лозунги, выкрики, только вместо *«Ваше Слово, Товарищ маузер»* – *«Аллах Акбар!»*

Далее в вольном переводе:

И как один умрем

в борьбе за это...

Фанатизм разных направлений очень похож рваной художественной формой и готовностью к жертвоприношению.

Только я вошел в отель, как бодрые индийские танцы в фойе по телевизору прервал экстренный выпуск новостей. Во время митинга прогремели два взрыва, в результате которых погибли 80 и получили ранения около 200 человек.

Атаку произвели боевики-смертники. Кровавое месиво человеческих тел на площади, по которой я не раз проезжал. Крики мужчин, стенание женщин, «скорые», полиция... На следующий день массовые похороны, на которых снова гремят взрывы. Просто нескончаемая бойня.

Насмотрелся на эти страсти. Вечером в сумерках, купив лепешку, пересек улицу и шагаю вдоль обочины. Навстречу автомобиль, из опущенного окна прямо на меня начинает высовываться черное дуло.

Инстинктивно отпрянув в сторону, я отскочил за дерево и в следующий момент разглядел – это была черная антенна рации.

Ну, думаю, я уже в кондиции. Недолго схлопотать инфаркт.

Однако настоящий прессинг мне устроили, откуда совсем не ожидал.

С утра пошел в банк, подготовил письмо-запрос на выпуск банковской гарантии. Пакет документов должен быть готов после обеда, а саму БГ выпустят после зачисления денег с нашего счета на их счет – завтра. Обычная процедура.

Через полчаса ко мне в гостиницу приезжает директор и спрашивает, где банковская гарантия.

– Будет завтра. Деньги только зачислены.

– Нет, – говорит, – сегодня до конца рабочего дня ее нужно отдать в министерство, иначе мы теряем тендер.

– А чего ж ты вчера молчал?

– Ну, вот, дескать, так. Нужно сегодня и все тут.

И пишет мне фамилию и телефон замминистра.

Потом начинает закидывать удочки – сколько и кому мы обещали откат. И не согласились бы мы пойти в субподрядчики к китайцам?

Я уже ничему не удивляюсь и говорю:

– Все обсуждаемо. Но скажи мне прямо, решение принято или нет? Тендер отдали?

– Еще не отдали, – отвечает, – но сегодня последний день. И так из-за вас долго тянули.

Я ноги в руки и бегом в банк. Залетаю в отдел, заведующего нет. У него умер раненный при теракте дядя, и он уехал на похороны за город. А кроме него никто не может.

Я к главному. Объясняю ситуацию.

Тот звонит и отзывает (беспрецедентный случай) подчиненного на работу. Но придет он не раньше половины пятого.

Звоню в министерство – никто не отвечает. Уже, наверное, закончил рабочий день. Соединяю банкира с директором. Они на повышенных тонах говорят по-пуштунски.

Выясняется, что все-таки можно завтра.

Возвращается грустный и мрачный заведомом, и мы сидим чуть не до ночи – генерируем пакет документов. Ставлю подписи и печати и мучительно соображаю: как отблагодарить человека?

– Слушай, ты водку пьешь?

– Да.

Пока он доделывал документы, я сбегал в отель.

– Вот тебе, – достаю из сумки, – «Русский стандарт», высшего качества, в упаковке прямо из Duty Free.

– Спасибо! – он принял бутылку с радостью, презент необычный и дорогой в здешних местах.

Итак, гарантию выдадут утром. Остальное – иншалла.

На следующий день до обеда караулил замминистра, но дождался в его кабинете.

Он посмотрел нашу свеженькую банковскую гарантию и положил на стол.

– Хорошо, – говорит, – но поздно! По закону все документы должны представляться в тендерную комиссию. А после нее уже нельзя производить никакие дополнения и замены. Оппоненты следят и сразу поднимают скандал.

Приложенная к вашему пакету документов гарантия, пусть и не афганская, пока свою функцию выполняет. Если проект присудят вам, то мы заменим ту гарантию на эту. А если решится не в вашу пользу, то просто вернем документы. Они сейчас находятся в комиссии, и до ее заключения действия по замене произвести невозможно. Придется подождать.

– Сколько ждать?

– Неизвестно. Возможно, недели две, может, месяц.

Сидеть мне здесь больше незачем. К сентябрю открыли прямой чартер из Кабула в Алматы, стоимость билета всего двести долларов.

В чемодане гостинцы: вязанка вяленого инжира, шафран, миндаль, длинный, как мизинец ребенка, изюм и первые гранаты из Кандагара.

УЧИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ

После двухмесячного отсутствия я вернулся в Алматы. Ощущение было, что прилетел в курортно-санаторную зону. Люди выглядят расслабленно, вальяжно, разговаривают мягко, движутся плавно, не оглядываясь, без опаски, словно немного заспанные.

А ты внутренне весь еще на взводе, не зная, чего ждать от идущего навстречу бородатого пешехода, или от того, что может находиться в проезжающем мимо автомобиле. Постепенно отходишь, привыкаешь к обычной обстановке и начинаешь понимать «афганский синдром» военных, которые, вернувшись домой, еще долго пребывали не в своей тарелке.

Но скучать и расслабляться долго не пришлось – разгорался скандал вокруг новых учебников по русскому языку и всей реформы образования. Сообщения газет и ТВ звучали как сводки с фронта. По новой программе русский язык предлагалось изучать коммуникативно – на уровне разговорного, фактически как иностранный.

Народ снова схватился за чемоданы.

В Методическом пособии к учебнику 7 класса автор – известная профессорша предлагала, как вариант задания по анализу заимствованных иностранных слов, выявить положительные черты в портрете киллера!

«Ярким примером является слово киллер, употребляемое в русском языке в значении “профессиональный наемный убийца”. Образ киллера приобрел известность благодаря голливудским фильмам-боевикам (“Мистер и миссис Смит”, “Убить Билла” и др.). Образ киллера, сформированный посредством масс-медиа, характеризуется положительными качествами: он хладнокровный, выдержанный, умный, решительный, смелый, изобретательный, наблюдательный. Профессию киллера можно отнести к разряду престижных, “знаковых” профессий нашего

времени, имеющих положительный, романтический ореол (высокие заработки, красивая, интересная жизнь, борьба за справедливость). Это своеобразный “герой нашего времени”, кумир, образец для подражания».

Я опубликовал статью в центральной газете, где предложил не мелочиться и, говоря о престижных профессиях, расширить тематику¹¹. Устроить, например, этимологический разбор пары слов «путана – проститутка», или написать позитивный портрет террориста-смертника – похвалив его нестигаемый религиозный фанатизм и готовность к самопожертвованию. Предложил литературный материал по развитию критического мышления из изданного в Лондоне сборника поэзии движения Талибан, который листал в Кабуле.

Одна парламентская дама, кстати, бывший министр образования, представлявшая также Казахстан в ООН, прославилась на весь мир, заявив:

«Казахи – мы амбициозные люди... Мы читать и писать уже с рождения можем. Такие, как я, у нас вся страна!»¹²

Это она, наверное, про моего шефа сказала. А, может, про своего.

Потом оправдывалась, объясняла, что она в тот момент, когда говорила по-русски, думала по-английски. Просто адская кочевая смесь на перекрестках современности. Мысли от английского завихряются, и их уже несет в брэнном полете неизвестно куда.

Вот так и подсели на трехязычие.

Все как в сказке. Дорожную карту развития трехязычия утверждали приказы трех министерств, обучить учителей предполагалось на курсах за три месяца, вести они должны будут в старших классах на английском три предмета: физику, химию, биологию, выделено было на переподготовку 30 миллиардов, и предполагалось, что Казахстан быстро войдет в число 30-ти лучших стран мира.

А латиница поможет – иностранцам изучать казахский. Поскольку алфавит знакомый.

«Мы все учились понемногу», но не до такой же степени!

У афганцев век британского присутствия прошел не впустую. Но в Казахстане нет такого базиса, как в Афганистане или Индии. Другая история и география, самая большая в мире общая граница – 7600 километров и несколько веков общения с Россией. Гони русский язык в дверь, а он в окно. Везде нужен.

В последнее время часто звучит желание оторваться от былых «оков» и строить Тюркостан. А сами теньгой за что голосуют? Гляньте на рекламные вывески: «Евроремонт», «Еврозабор», «Евростиль», «Итальянская химчистка»... А напишите: «Азиатский ремонт» или «Казахская химчистка» – кто пойдет в такое заведение?

Есть кафе узбекские, дунганские, корейские, рестораны китайские, немецкие, итальянские, Макдоналдс. А вот чтобы написали просто и ясно «Казахская кухня» – нет.

А что есть казахское?

– Есть казахские понты! – объявила знакомая бабушка.

Народная поговорка прямо гласит: «Казах без понтов – беспонтовый казах».

Наш шеф, к примеру, говорит, платить зарплату нечем, но, из грязи в князи, строит себе дворец в престижном месте южной столицы. Потолок прихожей поддерживает колонна, отделанная ониксом из Италии стоимостью 140 тысяч евро. Об остальном можно догадаться.

Да если б он один такое себе строил.

¹¹ <https://time.kz/blogs/hocu-skazat/2017/10/03/aleksandr-zagribelnij-uchit-nelzja-pomilovat>

¹² <https://www.youtube.com/watch?v=MukTOZQ2kAk>

Для степняка почет и уважение, а тем паче знаки отличия – на первом месте.

К юбилею сформулировали соответствующим образом и подали документы, куда следует: получил шеф государственный орден.

Через месяц вызывает меня:

– Знаешь, – говорит, – моему брату обидно, тоже орден хочет.

Заметки на полях

Умные люди советуют спокойно с улыбкой наблюдать за телодвижениями по внедрению давно описанных у Салтыкова-Щедрина «глуповских» проектов в массы. Рекомендуют просто постоять в сторонке от всей этой кутерьмы, побережь здоровье и нервные клетки. Но накопело. Хочется встать во весь рост со словом, как с автоматом наперевес, дать очередь по этой маниловщине, органицикам, пресмыкательству и чванству.

Тысячу раз клятые американцы умудряются рулить по всему миру, потому что они лучше организованы в своих ветвях власти. Они позволяют работать экономике. Ни в Афганистане, ни в Казахстане, ни в России нет гражданского общества. Робкие ростки его иссушаются централизацией власти, чиновниками и дремучими предрассудками.

Что это – родовая травма становления государственности, доставшаяся нам от Чингисхана?

В ШРЕДЕР

Дальнейшие события посыпались друг за другом как костяшки домино. Их проще перечислить через запятую.

После месяца молчания пришло сообщение, что гарантия афганского банка (БГ) пока не нужна и она будет возвращена в посольство.

Шум от скандала с БГ улегся.

Сафир, разгребая наши грязи, дал разъяснения министру и обещал пробиться к главе государства. Ждал только приглашения из дворца.

День настал. Посол отправился на прием. Потом прислал фото на WhatsApp – он с президентом. Приписка: «Обсудили конкретно».

Не успели мы обрадоваться, как получаем письмо:

«В соответствии с решением Национального комитета по закупкам настоящим извещаем вас, что объявленный проект по реабилитации скважин был аннулирован и, возможно, будет объявлен заново. Поэтому обращаемся к участникам тендера подать заявки в письменной форме на возврат вашей банковской гарантии в Комитете по закупкам».

Хади забрал БГ и отнес ее в посольство для отправки в Алматы. В связи с приездом министра иностранных дел Казахстана в Кабул и множеством хлопот в посольстве наша БГ была утеряна, и, вероятно, со всякими бумагами попала в шредер. Советник сказал, что найти ее нет никакой возможности.

В Кабуле начались беспорядки. Одно цеплялось за другое. Сначала налет боевиков на Военную академию, потом атака на отель Intercontinental и гибель людей, среди которых были и граждане Казахстана.

При обстреле снаряд разорвался рядом с посольством. В здании вылетели окна. Советник говорил, что если б не толстые портьеры, его бы точно убило.

При авиаударах в Кундузе погибли 32 мирных жителя. На заседании афганского парламента депутаты призвали к пересмотру двустороннего соглашения с США о сотрудничестве в сфере безопасности. Во многих провинциях прошли

митинги протеста с требованием вывода иностранных войск и привлечения виновников к ответственности.

С американцев опять как с гуся вода.

Еще через неделю советник сообщил, что фонд отозвал миллионы, предназначенные на реабилитацию газовых скважин в Шибаргане, разуверившись в способности тендерного комитета довести дело до конца.

Нам оставалось только вернуть свои деньги из афганского банка. С этим я успешно справился, но можно сказать, что все наши бизнес-усилия также угодили в шредер и быть президентом компании мне не судьба.

Заметки на полях

Вряд ли эта трактовка истории найдет сочувствие, но я ее выскажу.

Слышится много упреков в адрес США, обвиняемых в экспорте демократии в страны, где ее быть не может. Однако разворошить гнездо веками замкнутого, находившегося в летаргическом сне исламского мира довелось все-таки не американцам.

Афганистан первым признал Советское государство, а с 1955 года СССР прочно обосновался тут, занимаясь строительством и разработкой полезных ископаемых. Это было естественным продолжением стратегии еще царской России.

Ошибкой шурави стало то, что коммунистическое перевоспитание афганцев, не без помощи ретивого афганского правительства, пошло в лучших традициях Древней Руси, когда крестили огнем и мечом. Имамов живыми закапывали в землю. Оппозиция выросла мгновенно в лице духовенства и движения моджахедов.

Если коммунизм – это вывернутое наизнанку христианство, то атеизм в борьбе с исламом – это как материя и антиматерия. Тут только аннигиляция. Гражданская война до полного сгорания одной из сторон. И, как обронил Трамп: «СССР спекся».

Трагедия растянулась на десятилетия. Штаты тогда, конечно, подсутились и, всячески помогая моджахедам, щедро вскормили Алькаеду, но от нее же и пострадали. Джин выскочил на волю. Усама бен Ладен, убитый в Пакистане, оказался не последним бойцом противостояния ценностям мира свободного потребления.

В афганцах осталось еще что-то детское, местечковое, наивное, что европейцу-американцу-глобалисту уже не понять. А русский понять может, потому что это идет от привязанности к родной земле. Афганцы почти простили войну Советам, но американцам они не спускают.

«ПЯТАЯ КОЛОННА»

Когда финансирование вернули, проект достался китайцам. Это вездесущее племя оказалось терпеливее, хитрее, оборотистее, хотя вряд ли технически способнее, поскольку они долго ковырялись на сопках под Шибарганом и не могли запустить добычу газа.

Пекин не сидел сложа руки. Продвигая проект Нового Шелкового пути, он пытался переориентировать регион под свои интересы.

Через год был объявлен еще один обещанный тендер на бурение новых скважин, и я снова прилетел на установочное собрание претендентов. За столом сидели все те же китайцы, индийцы, иранцы и представители двух-трех местных компаний.

Кабул изменился. После взрывов грузовиков с динамитом проезд тяжелого транспорта в центральных кварталах ограничили, перегородив улицы толстыми

полосатыми металлическими балками, под которыми могли проскользнуть только легковушки.

Накануне было объявлено перемирие. Талибы гордо гоняли на мотоциклах по пригородам Кабула. А игиловцы взорвали мирную трапезу переговорщиков в дни праздника.

Жители столицы были начеку. Я решил сходить задарить Елтафу цветной журнал с публикацией о нем. Только достал у перекрестка свой смартфон, чтобы, маскируясь разговором, сфотографировать перегороденные улицы, как бдительные прохожие тут же сообщили полицейскому. Тот догнал меня, отобрал гаджет и потребовал паспорт. Я показывал ему журнал, объяснял, но тщетно. И только подоспевший из магазина Елтаф, увидев свой портрет в журнале, помог кое-как убедить, что я не шпион, а журналист, и хочу рассказать о жизни в Афганистане. Полицейский поверил и вернул телефон, но все фото удалил.

Купив пару свежих лепешек, я ожидал Рахматуллу у себя в номере. Он приехал почти без опоздания.

Не будучи до конца уверенным, что, собственно, дал тогда мальчишке советский танкист, я захватил и шпроты, и кильку.

– Есть коньяк, водка. Что будешь?

– Нет, я мусульманин, не пью.

«Мусульмане бывают разные», – не сказал я вслух.

– Тогда – чай.

Я открыл банку шпрот:

– Такие рыбки?

– Да, это они.

– Угощайся. Вспомни детство.

Он сидел, не притрагиваясь.

Я, подав пример, подцепил рыбешку вилкой и положил на кусочек еще теплой лепешки. Откусил.

Он проделал то же самое. Странная улыбка поплыла по его лицу, словно на него опустился сонм воспоминаний.

– Очень вкусно! – выдохнул он.

– Как тогда?

– Да!

– Отличные казахстанские шпроты компании «Кублей». Вторую банку возьмешь домой и кильку тоже. Угостишь родственников. Здесь у вас продают только туну. Терпеть не могу ее сухое мясо.

Мы обсуждали, как можно наладить бизнес по поставке консервов в Афганистан. Здесь дефицит рыбной продукции. Но узбекская граница, таможня... Опасности перевоза на перевале Саланг, талибы...

– Это не страшно. Доставку мы организуем. Мой дядя все довезет куда надо!

Вспомнив повстанцев в чалмах на мотоциклах, я спросил, как он смотрит на нынешнее развитие событий.

– Ты думаешь, талибы только с оружием по горам бегают? Нет, их много среди образованных людей, журналистов, юристов, госслужащих... Аллах нам поможет!

Он возвел глаза к потолку. Голос его обмяк и проникся благоговением.

– Но талибы натворили столько зла, ни за что убивали людей, запрещали женщинам учиться... Ты читал роман Хоссейни?

– Я сам все видел. Но талибы сильно изменились, много поняли, у них теперь у каждого есть сотовый телефон... они не против цивилизации.

– Судя по тому, как они продолжают взрывать школы...

– Главная задача – выгнать американцев. Мы, пуштуны, не потерпим оккупантов на своей земле. Американский солдат смотрит на афганцев свысока, он не считает нас себе равными. Он презирает и боится одновременно. Американец не войдет в хижину в кишлаке, чтобы попросить напиток, как запросто делал советский солдат.

Тут я понял – «пятая колонна» Талибана находится в Кабуле. И мой визави наверняка в строю. Он по уши в политике и религии.

– Ты еще не женился? – спросил я.

– Это серьезный вопрос. Мне уже тридцать три. Давно пора, но на свадьбу нужны большие деньги.

– Загляни в центральное авиаагентство, там сидит очень симпатичная девушка по имени Марьям, и она пока не замужем.

Мы спустились на лифте.

На прощанье я сказал, что есть намерение участвовать в новом проекте. И надемся не только на важных персон. Наша система безопасности зиждется еще и на том, что мы сотворим для афганских людей добро! Если мы пробурием скважины и дадим газ, то у них будет и тепло в доме, и еда на плите, и свет лампочки под потолком. Я надеюсь, это понятно любому талибу.

– Если возникнут проблемы, звони! – сказал Рахматулла.

Мы обнялись.

Ну вот, теперь у меня есть свой человек в Талибанае – организации, запрещенной в Российской Федерации.

ЕЩЕ ОДНА ГЛАВКА (иншалла, не последняя...)

Упомянув в начале повести об археологических раскопках Бактрийского золота, я в процессе написания постоянно копался в возникающих ситуациях, в своих поступках и словах, невольно производя раскопки самого себя. И откопал-таки нечто! Это оказались не захоронения древних украшений, а живые родники, бьющие порой из неведомой глубины.

Осетинский язык относится к северо-восточной подгруппе иранских языков. Из этих корней дари и пушту. Оттуда и язык древних аланов.

А ведь мой прадед по отцу осетин чистокровный. Какие-то гены вдруг отчетливо заговорили во мне, заиграли, уловив резонанс не только с женой, у которой дед – таджик, но и с целой страной – Афганистаном, ее пуштунскими песнями и преданиями. Это «ОНО» внутри оказывается живое и отзывается на родственные вибрации и интерференции.

Глаза ее, как у газели,
и речи, как персидские газели.

Потому я могу так долго слушать ее и советоваться с ней.

И осетин Валерий Гергиев с его симфоническим оркестром меня не случайно трогает гораздо более, чем другие нынешние дирижеры. Его музыка задевает во мне какую-то звонкую сердцевинку-колокольчик. А его дерзкий десант с оркестром в Цхинвал вообще неподражаем!

Все мы на Земле друг другу родственники.

Бывал я на «блошином рынке» в Сан-Франциско и афганцев там видел, возможно, даже пересекался с Хоссейни, мир ведь, действительно, тесен.

Если сравнить его текст с фреской, написанной темперой по мокрой штукатурке, то слезы и кровь повествования – это набрызг Голливуда по Болливуду, с легкими орнаментальными вкраплениями арабо-персидской поэтики и дефицитом европейской рефлексии в форме юмора.

Девушки читают роман и плачут, как мы в детстве от индийских фильмов.

Но продолжи автор повествование, перескочив через 11-09-2001, ему пришлось бы описывать, как освобожденный от Талибана народ пытается теперь освободиться от своих освободителей.

Вознося хвалы Аллаху и американской цивилизации, приютившей беглых пуштунов на Flea Market, я надеюсь, автор «Бегущего за ветром» понимает, что пока в небе родного Кабула царят аэростаты и военные вертолеты, никогда туда не поднимаются воздушные змеи.

И с такой экономикой еще долго придется бегать за угол до ветру.

* * *

Сам я уже на пенсии. Развожу сад-огород, делаю прививки деревьев, занимаюсь стройкой. Вот завез облицовочный «кремлевский» кирпич.

Жена закончила очередной учебник и на гонорар собирается в турне по художественным местам Европы.

– Прямо заболела, снова хочу в Италию, – вздыхает она. – Поедем со мной.

Отвечаю:

– Самое лучшее лекарство – дача! Выйдешь ночью из-за туалета, глянешь на новый кирпичный столб – Санта-Мария-дель-Фьоре!

Смеется.

– Поезжай с сыном. Столько насмотрелся, как люди живут, хочется что-то устроить своими руками. А если уж куда-нибудь, то – в Аланию. Зов крови!

Обстановка в Афганистане нестабильна и тревожна. Дустум после грандиозного хайпа с его охранниками (которые якобы совершили местный обряд харазмента по отношению к непослушному губернатору) укрылся в Турции, но через год вернулся.

Президент Гани низжайше благодарит Евросоюз за миллиардные подачки, от которых даже крохи не перепадет той девочке в пыли, пацану в рваном перухане и женщине с ребенком на трассе.

США и афганское руководство, каждый по-своему, пытаются наладить контакт с талибами, чьи активные действия неуклонно прибавляют им подконтрольные территории и уверенно подвигают американцев ко второму Вьетнаму.

Генерал-Сафир вышел в отставку и, уже в качестве частного консультанта, обеспечил успех. Он помог еще раз зарегистрировать компанию и открыть счет в банке. Гибко лавируя ставкой, наш «Юг-Дрилл-Мунай» выиграл тендер по новым скважинам под Шибарганом.

Недавно позвонил наш директор отдела бурения – Тимур:

– Поедешь бурить? Мне нужен человек, знающий дело и английский.

– Свой писательский интерес я уже удовлетворил, – отвечаю, – но, если будет достойная оплата, почему нет.

Я все-таки надеюсь на лучшее для этой многострадальной страны.

